

КИФА

И САМИ,
КАК ЖИВЫЕ КАМНИ,
УСТРОЯЙТЕ ИЗ СЕБЯ
ДОМ ДУХОВНЫЙ

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

11 (243) •
ноябрь 2018

ТЕМА

ХРАНИТЕЛИ

стр. 3–15

«ХОТЬ БЫ АДИН ЧАЛАВЕК
ЗА УСЁ СЯЛЕННЕ МАЛИУСЯ...»

стр. 6

«МЫ ВСПОМИНАЕМ НЕ
НАРОД-ПОБЕДИТЕЛЬ
ВООБЩЕ, А ЧЕЛОВЕКА,
КОТОРЫЙ ИМЕЕТ ИМЯ,
ФАМИЛИЮ, ОТЧЕСТВО,
ИСТОРИЮ»

стр. 10

КРЕСТ В ХИМКИНСКОМ ЛЕСУ

стр. 13

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU 12+

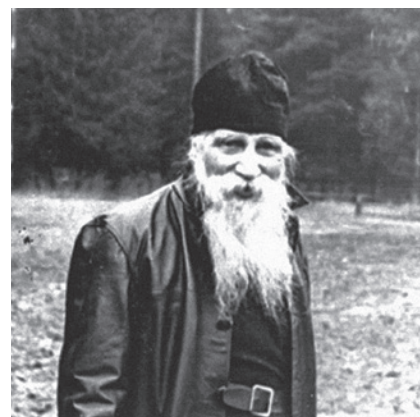
ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ СОДРУЖЕСТВО МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ
СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЕ ДВОРЯНСКОЕ СОБРАНИЕ

6 – 8 ноября 2018 года, Москва – Подмосковье

РОССИЯ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ: ХРАНИТЕЛИ И САМОРОДКИ

Продолжая тему конференции 2017 года «Духовные итоги революции в России: коллективный человек и трагедия личности», организаторы предлагают обсудить, через кого может возродиться или заново родиться жизнь на нашей русской земле?

С одной стороны, это могут быть те, кто в ситуации давления извне, личных потрясений, оторванности от корней смогли сохранить внутреннюю свободу, передать будущим поколениям не только церковную, научную или культурную традицию, но и сам дух подлинной жизни. С другой стороны, для того чтобы говорить о будущем, надо оценить, какие потенциалы в себе содержит современная ситуация. Самородки – это те, кто сегодня придаёт жизни народа новый импульс, выправляет её.

В числе хранителей, не преклонивших колена перед Ваалом и Молохом, Анна Ахматова и Николай Бердяев, Никита Струве, архимандрит Таврион (Батозский) и многие другие

Содержание

НОЯБРЬ 2018

~ Новость номера

Конфликт Москвы
с Константинополем
в октябре развивался по
наихудшему сценарию | 2

~ Событие

Лицом к народу | 16

~ Тема номера

Новые ростки на остатках
живого корня народной
жизни | 3

«Хоть бы адин чалавек за усё
сяленне малиуся...» | 6

~ Свято-Филаретовский институт

Увидеть по-новому
Кремль | 22

~ Преображенские встречи

Путь к совершенству | 25

Просвещение –
это весть о Свете | 28

Свободное пространство
дискуссии | 18

«Мы вспоминаем не
народ-победитель вообще,
а человека, который имеет
имя, фамилию, отчество,
историю» | 10

~ Живое предание

Братский помянник | 20

~ Письма читателей

Матушка Афиногора | 31

Издание Преображенского содружества
малых православных братств

gazetakifa.ru

КИФА

Одобрено Синодальным
информационным отделом
Русской Православной Церкви
(Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина
Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29
Тел./факс: +7-495-624-92-50
Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября
2011 г. Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6,
строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 25 октября 2018 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.
Дата выхода в свет 2 ноября 2018 г.

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим
Дементьев, Александр Копировский,
Елена Шевелева, Татьяна Тыртыш,
Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский
фонд «Преображение».
Газета издаётся с октября 2002 г.
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов.
Сайт газеты: gazetakifa.ru

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине **predanie.org**;
в Москве: в редакции (в
настоящее время находится в
помещении СФИ –
ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске
«Предание»,
тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-
Press»: 11, Rue de la Montagne-
Sainte-Genevieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60
(Анна Гринман),
+7-903-100-93-73
(Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81
(Анастасия Наконечная)

Архангельск: +7-921-073-32-76
(Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-11-37
(София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35
(Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91
(Татьяна Благодарёва)
Рязань: +7-920-632-06-71
(Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11
(Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83,
+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73
(Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05
(Ольга Кузнецова)
США, Канада: +1-651-210-49-22,
oleg@voskres.net
(Олег Воскресенский)

На первой странице обложки: Ангелы-хранители и апостолы.
Фрагмент фрески «Страшный суд» в Успенском соборе Владимира.
Даниил Чёрный и прп. Андрей Рублёв. 1408 г.

Конфликт Москвы с Константинополем в октябре развивался по наихудшему сценарию

По материалам сайта Патриархия.ru

В прошлом номере мы рассказывали о начале тяжёлого конфликта, возникшего в результате стремления Константинопольского Патриархата в ответ на просьбу президента Украины Петра Порошенко резко (и неканонично) вмешаться в церковную ситуацию на Украине. В октябре события продолжились развиваться наиболее тяжёлым образом. **11 октября** было опубликовано сообщение о решениях, принятых Священным Синодом Константинопольского Патриархата: о подтверждении намерения «предоставить автокефалию Украинской Церкви»; об открытии в Киеве «ставропигии» Константинопольского Патриарха; о «восстановлении в архиерейском или иерейском чине» лидеров украинского раскола и их последователей и «возвращении их верующих в церковное общение»; об «отмене действия» соборной грамоты Константинопольского Патриархата 1686 года, касающейся передачи Киевской митрополии в состав Московского Патриархата.

15 октября было опубликовано Заявление, принятое на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви. В нём, в частности, говорится: «Эти незаконные решения Синод Константинопольской Церкви принял в одностороннем порядке, проигнорировав призывы Украинской Православной

Церкви и всей полноты Русской Православной Церкви, а также братских Поместных Православных Церквей, их Предстоятелей и архиереев к всеправославному обсуждению вопроса... Решение Константинопольского Патриархата о «восстановлении» канонического статуса и принятии в общение бывшего митрополита Филарета Денисенко, отлучённого от Церкви, игнорирует ряд последовательных решений Архиерейских Соборов Русской Православной Церкви, правомерность которых не подлежит сомнению... Означенные решения были признаны всеми Поместными Православными Церквями, в том числе и Константинопольской Церковью...
Ныне, спустя более двух десятилетий, Константинопольский Патриархат по политическим мотивам изменил свою позицию... В Синодальной грамоте 1686 года и иных сопутствующих ей документах ничего не сказано ни о временном характере передачи Киевской митрополии в ведение Московского Патриархата, ни о том, что данный акт может быть отменён. Попытка иерархов Константинопольского Патриархата в политических и своекорыстных видах пересмотреть данное постановление спустя более трехсот лет после того, как оно было вынесено, противоречит духу священных канонов Православной Церкви, не допускающих возможности

пересмотра установившихся и не оспариваемых на протяжении длительного времени церковных границ... Лицемерно оправдываясь стремлением к восстановлению единства украинского Православия, Константинопольская Патриархия своими безрассудными и политически мотивированными решениями вносит ещё большее разделение и усугубляет страдания канонической Православной Церкви Украины. Принятие в общение раскольников и анафематствованного в другой Поместной Церкви лица со всеми рукоположенными ими «епископами» и «клириками», посягательство на чужие канонические уделы, попытка отречься от собственных исторических решений и обязательств, – всё это выводит Константинопольский Патриархат за пределы канонического поля и, к великой нашей скорби, делает невозможным для нас продолжение евхаристического общения с его иерархами, духовенством и мирянами. *Отныне и впредь до отказа Константинопольского Патриархата от принятых им антиканонических решений для всех священнослужителей Русской Православной Церкви невозможно сослужение с клириками Константинопольской Церкви, а для мирян – участие в таинствах, совершаемых в её храмах...* Призываем Предстоятелей и Священные Синоды Помест-

ных Православных Церквей к надлежащей оценке вышеупомянутых антиканонических деяний Константинопольского Патриархата и совместному поиску путей выхода из тяжелейшего кризиса, раздирающего тело Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви. Выражаем всестороннюю поддержку Блаженнейшему Митрополиту Киевскому и всея Украины Онуфрию и всей полноте Украинской Православной Церкви в особо трудное для неё время. Молимся об укреплении её верных чад в мужественном стоянии за истину и единство канонической Церкви в Украине. Просим архипастырей, духовенство, монашествующих и мирян всей Русской Православной Церкви усилить молитвы о единомысленных братьях и сестрах в Украине.

15 октября издание «Ромфея» разместило комментарий патриарха Сербского Ириней: «Сегодня наша Церковь в большом искушении, которое постигло нашего первого иерарха, Вселенского Патриарха: принимать решение, которое может оказаться катастрофическим для Церкви, – учинять нечто, на что он не имеет права – признавать раскольническую церковь и даже давать ей автокефалию... Я верю, что все Церкви укажут, насколько это катастрофическое решение, чтобы избежать самого катастрофического церковного разделения». **КФ**

Новые ростки на остатках живого корня народной жизни

Интервью с председателем оргкомитета конференции «Россия между прошлым и будущим: хранители и самородки» Юлией Балаксиной

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная. Фото: Александр Волков

Конференция «Россия между прошлым и будущим» продолжает тему конференции 2017 года «Духовные итоги революции в России»

Конференция «Россия между прошлым и будущим: хранители и самородки» продолжает, по словам её организаторов, размышления, начатые на конференции «Духовные

итоги революции в России: коллективный человек и трагедия личности». Но ведь в каком-то смысле она продолжает и конференции Преображенского братства нескольких предыдущих лет, где встречались люди свободного действия, где шёл разговор о дружеских кругах...

Да, действительно, эта конференция – попытка соединить в одном пространстве людей двух типов. С одной стороны, людей, хранящих память о тех, кого мы когда-то называли «неперемоло-

тыми», «людьми духовного сопротивления». С другой стороны, мы пригласили к участию в разговоре тех, кто напрямую с темой исторической памяти не связан, но воплощает энергию нового, свободного действия. В рамках конференции первый тип людей мы называем «хранители», а второй – «самородки». Хотим, чтобы в пространстве конференции между ними состоялась встреча.

Вы надеетесь, что эта встреча несёт в себе новые смыслы?

Конференция удастся, если, во-первых, возникнет «энергия свободного действия» и желание как-то совместно трудиться для восстановления того живого остатка, для сохранения, собирания, для прорастания того корня, о котором я говорила. И во-вторых, если произойдёт встреча между «хранителями» и «самородками»... Мне кажется важным, чтобы произошла именно встреча людей и разных поколений, и разных направлений деятельности. Ведь если встреча происходит, то она, как правило, влечёт живые творческие последствия.

Задача несколько сложнее. Неслучайно конференция называется «Россия между прошлым и будущим». «Хранители и самородки» – это скорее подзаголовки. Так что главный вопрос, который мы перед собой ставим, это вопрос о возрождении народа на нашей земле.

Мы много говорили об атомизации, о том, что сегодня «каждый сам за себя», что пространства единой судьбы, единой культуры, единого духа мы не ощущаем или ощущаем только на словах, как идеологию. А вот теперь мы хотели поговорить о том, какие потенциалы действительно есть в людях, сегодня живущих в России. Наш народ очень сильно пострадал в XX веке, понёс массовые потери и был духовно надломлен. Есть ли возможность для его возрождения? В чём она? Думая об этом, мы пока нашли два возможных источника, две силы, две энергии, которые могут помочь возрождению народа (конечно, мы понимаем, что картина гораздо сложнее, и возможно, жизнь покажет, что мы не правы).

Один источник связан с теми людьми, которые, несмотря на внешнее и внутреннее давление, на неблагоприятный идеоло-

гический климат, продолжали хранить традицию, ведущую своё начало ещё от дореволюционной России. Об этом мы будем говорить на первой части конференции, посвящённой «хранителям».

А второй – это люди, которые сейчас неожиданно проявляют энергию свободного действия: представители волонтерских движений, внесистемных образовательных проектов, современной культуры и так далее. Но когда мы стали готовить конференцию, мы поняли, что граница, проведённая нами между двумя этими категориями, очень условна. Часто как раз те самые самородки, которые начинают сейчас что-то восстанавливать, прежде всего обращаются к традиции, пытаются сохранить и возродить ещё не разрушенные истоки. И, наоборот, часто «хранители» оказываются и сейчас способными на активное творческое действие.

На конференциях Преображенского братства всегда есть пространство для общения, чтобы люди могли непосредственно познакомиться друг с другом – не просто пересечься, а завязать какие-то связи.

Будет ли предусмотрено и в этот раз такое пространство? Достаточно ли будет времени для дискуссий, для перерывов, когда можно будет общаться свободно?

Кофе-брейки никто не отменял. Но кроме этого мы решили использовать новый для нас жанр «дискуссионной площадки». Предполагается, что с докладом или с сообщением выступает один, максимум два участника, а остальных мы приглашаем к свободному проблемному разговору.

Мы постарались заранее сформулировать вопросы ко всем секциям, ко всем дискуссионным площадкам. Мы надеемся, что это будет не просто набор сообщений, которые как в пазах: повезёт – сложатся в единую картину, не повезёт – не сложатся. Мы рассчитываем, что каждая секция и каждая дискуссионная площадка будут совместной работой по поиску ответов на вопросы, которые мы ставим. А вопросы как раз связаны с тем, как хранить и что хранить в эпоху постсоветского постмодерна, когда традиция почти полностью разрушена. Как сделать так, чтобы сухой корень снова пророс? И откуда берутся те, кого мы

Конференция 2017 года стала пространством встречи и общения. Устроители надеются, что это произойдёт и на конференции 2018 года

называем самородками, каким образом они ищут укоренённости в традиции? Что они могут, а чего не могут? Где кончается их энергия, где она начинается? Будем со всем этим разбираться.

Ну, а в последний день конференции мы попробуем поговорить о самом понятии «народ» и о том, насколько реально говорить о возрождении или рождении заново народа на земле, на которой мы живём.

Невольно возникает вопрос некоторой несоразмерности целей и средств. Вот мы соберёмся количеством 200–300 человек под Москвой в нашем братском доме, стоящем на месте разрушенной усадьбы, встретимся друг с другом, поговорим... Но эта встреча и задача возрождения России кажутся настолько несоизмеримыми друг с другом! Как организаторам не впасть в уныние? Хотя уже не раз оказывалось, что берёшься за что-то, казалось бы, маленькое, а оно оказывается гораздо больше, чем тебе казалось...

Для того, чтобы не впасть в уныние, мы попросили нашего коллегу из Свято-Филаретовско-

го института Глеба Гарриевича Ястребова сделать доклад о понятии «остатка» в библейской традиции. Мы полагаем, что не мы первые оказываемся в такой ситуации, когда разрушения очень велики, но живой корень тем не менее остаётся. Этот остаток никогда не бывает многочисленным, но мы можем вместе думать, что сделать, чтобы корень этот пророс. В этом наша надежда.

Второе, что я хотела бы здесь сказать, что все-таки эта конференция проходит в рамках Форума национального покаяния и возрождения, и для нас принципиально важно, что участников этой конференции мы предлагаем познакомить с идеями Форума и надеемся найти среди них поддержку.

И третье: мы в этом году пытались открыть конференцию для более широкого круга участников. Вот один из примеров: во второй день конференции запланирован вечер с петербургским режиссёром-документалистом Андреем Совлачковым, который много лет делает передачи цикла «Письма из провинции». Он объездил всю Россию. И мы надеемся, если этот творческий вечер

удастся, то мы сможем его провести уже в масштабах Москвы, Петербурга, других городов. То есть как-то донести до тех, кому это интересно, то, до чего мы на этой конференции додумаемся и договоримся.

Что Вы будете считать критерием того, что конференция удалась?

Мне кажется, конференция удалась, если, во-первых, возникнет «энергия свободного действия» и желание как-то совместно трудиться для восстановления того живого остатка, для сохранения, собирания, для прорастания того корня, о котором я говорила. И во-вторых, если произойдёт встреча между «хранителями» и «самородками». Есть ведь опасность, что каждый выберет для себя «свой» день и уедет, послушав про «хранителей», или поедет дальше делать свои дела, послушав про «самородков». Но мне кажется важным, чтобы произошла именно встреча людей и разных поколений, и разных направлений деятельности. Ведь если встреча происходит, то она, как правило, влечёт живые творческие последствия. **КФ**

«Хоть бы адин чалавек за усё сяленне малиуся...»

Андрей Скидан, научный сотрудник Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций им. Ф.Г. Шклярова

Келейная община в Песочной Буде. 1950-е гг.
Сидят слева направо: Татьяна Исааковна, инокиня Александра,
монахиня Магдалина. Стоят слева направо: Анастасия
Митрофановна Агеенко, Мария Митрофановна Агеенко,
Агафья Григорьевна Агеенко

Однажды, осуществляя рядовые экспедиционные поездки в рамках музейной собирательской деятельности, я попал в деревню Песочная Буда, что в пятнадцати километрах от Гомеля. Обычная по нашим меркам деревня, в две параллельные улицы, одна из которых – Шлях, участок древней дороги, связывавшей с долетописных времён радимичские земли с Черниговом и Киевом. Здесь я надеялся встретить кого-нибудь из старожилов, чтобы побеседовать о традиционной культуре, обрядах и обычаях, бытовавших в деревне в прошлом столетии. Словоохотливые женщины, встретившиеся на перекрёстке, сразу определили, кого мне обязательно нужно посетить в «Песошне» – так по-местному звучит название деревни: здесь и теперь живёт одна из «монашек», как в народе называют женщин, которые свою жизнь связали с Богом, независимо от того, принимали они постриг или давали обет безбрачия самостоятельно. Необходимо отметить, что встретить таких людей в начале нового тысячелетия большая редкость, потому что по объективной арифметике им должно быть не меньше девяноста лет. Признаюсь, бывая в соседних деревнях, не раз слышал я о «песошанских» монашках, которые старшим поколением всегда воспринимались как безусловный духовный авторитет, но разговоры эти лежали в неопределённой сфере прошедшего времени: мол, было, да прошло. Теперь же я чрезвычайно обрадовался возможности побеседовать с представителем уже ушедшей духовной общности подпольных или домашних монастырей.

Мария Митрофановна Агеенко жила в маленькой хатке, которой сложно придать некое иное название. С улицы она вообще смотрелась как хлев. А всё оттого, что развёрнута была не как обычно – окнами на улицу, а наоборот – сенями. Окна,

наоборот, выходили на огород и поле, за которым виднелся далёкий лес. Позже я понял эту странную ориентировку: с улицы не бросалось в глаза то, что происходило внутри. А внутри домика была настоящая монашеская келья. Аккуратно выбеленные стены, потолок и негромоздкая русская печь, множество икон на «куту», крепкая и грубая крестьянская мебель, почти исчезнувшая из колхозно-совхозного употребления: лавки, сундуки, тумбочки. Столик в углу изобилует специфическими церковными предметами – подсвечник, книги и тетради с рукописями, помянники с выцветшими закладками-лентами, крест, лампада... Будто на дворе не начало XXI, а середина XX века. В углу, на лавке сидела маленькая старушка, соразмерная низкой и уютной келье – теперешняя хозяйка этого храма. Именно храма, и мне не дадут соврать те, кто впервые переступал этот порог: некий особый трепет и благодать окутывали входящего так, что сразу хотелось выразить почтение крестным знамением и обязательно с поясным поклоном. Именно храма, ведь тут в продолжение многих лет совершались службы суточного круга, исполнялось монашеское правило. Затёртые до лоска кожаные обложки книг и скромные иконы в застеклённых киотах также «истёртые» взорами молящихся, коричневые огарки самокрученных свечей – знаки подлинной церковной жизни. Когда ты видишь такое православие, обёрнутое в дешёвые обои с лампочкой вместо паникадила – сомнений в подлинности веры этих хранителей благочестия быть не может. Тут на праздники со всей округи собирался верующий люд, так как долгое время на двадцать километров не было ни одного церковного здания. Мария Митрофановна, которую признавали духовным авторитетом и именовали «матушкой», сразу поправляла: «Я не матушка. Я жила с матушкой».

Мария Митрофановна Агеенко. Фото 2009 года

Так она поправила и мою проводницу, неожиданно нагрянувшую с городским спутником: «Сколько я тебе гаварыла...» Я поразился кротости Марии Митрофановны, охотно и послушно отвечавшей на мои бесконечные вопросы, как будто она только и делала, что ожидала моего визита. О «матушке», монахине Магдалине, собственно, она и рассказывала. Но тоже без лишних подробностей. Очень просто. По сути. Никакого возникшего в странной околоцерковной среде полумифического стиля изложения, никакого особого монастырского сленга, никакого намёка на посвящённость и избранность. Деревенская речь с обилием таких же деревенских реалий. Оказывается, последняя келейница матушки Магдалины ни в чём не уступала любой колхознице в ведении хозяйства, в работе полеводческой бригады. Но интересную деталь однажды услышала племянница Марии Митрофановны в гомельском троллейбусе уже где-то в конце восьмидесятых, а не так давно и мне призналась. Одна женщина другой говорила: «Вот ты думаешь, нет больше святых людей на земле?» И рассказала, как в деревенской больнице познакомилась с Марией из Песочной Буды, чей пример послужил для неё неким особым утверждением обратного. А племянница, недоумевая, слушала о своей тётке, известные детали вдруг воспринимая как удивительные.

Но не только о Марии Агеенко сейчас хотелось рассказать, а об основательнице духовной семьи,

Вся округа знала их чуткую набожность, чистоту жизни, нестяжание и внутреннее несоответствие безбожному разгромному строю, который то морил людей голодом, то заставлял работать за «палочки». До сих пор сельчане вспоминают их чудный хор и ангельские голоса на деревенских молениях... Несмотря на постоянный надзор со стороны властей и угрозу репрессий, монахини не уединялись в своей вынужденной келье.

которая уже вошла в историю епархиальной жизни периода советских гонений, монахине Магдалине, в миру Пелагее Митрофановне Евмененко. Она, «природная песашанская» девица, последняя в крепкой крестьянской семье по возрасту, в пятнадцать лет ушла, как это было принято в те времена, в знаменитый на всю округу Чонский Свято-Успенский монастырь. В переломном 1917 году приняла рясофорный постриг, а после первых репрессий советской власти в 1919 году вернулась в родное село и служила в местном Свято-Успенском храме в должности псаломщицы. В первый раз она была арестована в 1930 году за сбор подписей против репрессий в отношении местного священника Елисея Назаренко, не поддержавшего декларацию митрополита Сергия. Более четырёх лет она находилась на строительстве Беломоро-Балтийского канала и, по словам Марии Митрофановны, возвращаясь из ссылки, «на пароходе плыла там, где лес валяла и пни корчевала». В 1934 году, вернувшись в Гомель, она поддерживала общение со многими бывшими насельниками Чонского монастыря, сохранившими нелегальное церковное положение. Повторно была осуждена в 1937 году на десять лет по обвинению в принадлежности к «гомельской контрреволюционной организации церковников». После войны вернулась в выгоревшую деревню, где из маломерного леса сложила хату, порог которой я и переступил с трепетом и благоговением. Вместе с матушкой тогда жила «невидяшчая» инокиня Александра, о которой матушка всё время имела попечение. К тому времени вокруг такого «тайного монастыря» сформировался целый духовный круг, прежде всего из женщин, отказавшихся от брачной и семейной жизни. Это были местные посошанские

девы: Агафья, Татьяна и две родных сестры Настасья и Мария Агеенко. Во многих вещах характер их жизни не отличался от жизни советского колхозника, но смыслом этой жизни было совсем другое. После работы они спешили поддержать совершавшуюся в келье молитву, а в праздничные выходные дни участвовали в богослужениях или совершали отпевание умерших. Вся округа знала их чуткую набожность, чистоту жизни, нестяжание и внутреннее несоответствие безбожному разгромному строю, который то морил людей голодом, то заставлял работать за «палочки». До сих пор сельчане вспоминают их чудный хор и ангельские голоса на деревенских молениях, когда возле общественных икон – «Свечей», как их у нас называют, – в тот или иной «престольный» день собиралось местное верующее общество. Вспоминают их панихиды на «Радауницу», когда на кладбище, одетом в нежную весеннюю зелень, людей было больше, чем на базаре. Переходя от могилы к могиле «манашки» пели «вечную память», христосовались с приехавшими издалека односельчанами, собирали корзинами пасхи, яйца и деньги. Все вырученные за молебствия продукты и средства они передавали в ближайший черниговский монастырь и в детский дом. Несмотря на постоянный надзор со стороны властей и угрозу репрессий, монахини не уединялись в своей вынужденной келье, а деятельно участвовали в сохранении церковной жизни в доступных им формах. В конце 1950-х отошла ко Господу инокиня Александра, а в 1976-м – и матушка Магдалина, в день своего наиболее почитаемого местного святого святителя Феодосия Черниговского – 22 сентября. Последние годы с ней прожила Мария Митрофановна, навсегда перебравшись сюда из отчего дома.

Молитвенный угол
келейного монастыря

Панихида на кладбище
22 сентября 2017 года

Казалось, со смертью этой подвижницы духовная жизнь окружи постепенно отойдёт и иссякнет, но Мария, которой шёл уже пятьдесят восьмой год, приняла на себя «лёгкое» бремя келейного монастыря: «Матушка ужэ перад смерцю гавора: “Я ужэ рада, што я уручаю табе...”» И сейчас, когда тот или другой сельчанин начинает вспоминать о песчанских «манашках», то уже тяжело понять, о монахини Магдалине вспоминает или же о Марии, которая переняла матушкино служение. Сама Митрофановна на мой вопрос о содержании её призвания как-то просто ответила, так же просто, как отвечала на все вопросы: «Я не знаю...я с маленства была слабая и да этих пор живу, во, дзевяноста первы год. А мне матушка када-та гавора: “Хоть бы адин чалавек за усё сяленне малиуся”. Скольки магу, стольки ужэ малюся. І за пакойных и за живых. За усих ужэ малюся. Эта мяне можа Бог дзяржыць за эта... Эта толькі па Божай сіле». Маленькая, к старости согнутая старушка выходила из выбеленного чертога провожать меня, опираясь на свой отполированный суковатый «посох»: «Я за вас малица буду...»

Когда в Витебской семинарии и Витебском Государственном университете я рассказывал о подвиге новомучеников и исповедников Гомельской епархии и о келейном монастыре Песочной Буды, пришло сообщение, что Марии Митрофановны не стало. На следующий день под проливным дождём по раскисшему снегу и льду я добирался до Песочной Буды. Уже на кладбище под вековыми соснами, где купно покоятся все сёстры келейного монастыря, имевшие постриг и давшие личные обеты безбрачия, послушания и нестяжания, дождь прекратился и ненадолго выглянуло солнце. Золотился

кадильный дым. Тогда стало ясно, что история этих христиан не должна остаться только преданием их близкого окружения. Через несколько лет в селе восстановили храм, сгоревший в 1943 году во время боевых действий. Особой храмовой датой, наряду с престольным праздником Успения Богородицы, стало 22 сентября, день памяти святителя Феодосия Черниговского – дата успения монахини Магдалины. В этот день для священников ближайших приходов, местных и гомельских верующих стало доброй традицией собираться за Божественной литургией и крестным ходом шествовать на деревенское кладбище, в место упокоения сестёр, где совершается лития. После этого в храмовой трапезной на поминальном обеде каждый может поделиться своими воспоминаниями и мыслями.

Разбирая бумаги, доставшиеся от Марии Митрофановны, я отметил, что основная их часть – это помянники, в которых кроме бесконечной очереди своих односельчан, для понимания подписанных уникальными уличными «прозвищами», изучению которых можно посвятить отдельное исследование, встречаются и церковные диптихи. И когда я внимательно прочитал их, то я понял, что это все те, кто составлял круг тесного духовного общения. Половина из него прошла скорбную школу советских застенков, лагерей и ссылок. О некоторых мы пока мало что знаем, кроме фрагментарных упоминаний. Но точно ясно одно – все они нуждаются в нашей памяти, как мы нуждаемся в их молитвенном ходатайстве. И есть пространство, где это наиболее очевидно совершается. Так, собственно, и живёт Церковь. Земная и небесная. **КФ**

«Мы вспоминаем не народ-победитель вообще, а человека, который имеет имя, фамилию, отчество, историю»

Интервью с Сергеем Лапенковым и Игорем Дмитриевым,
инициаторами движения «Бессмертный полк»

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная. Фото: Анастасия Наконечная

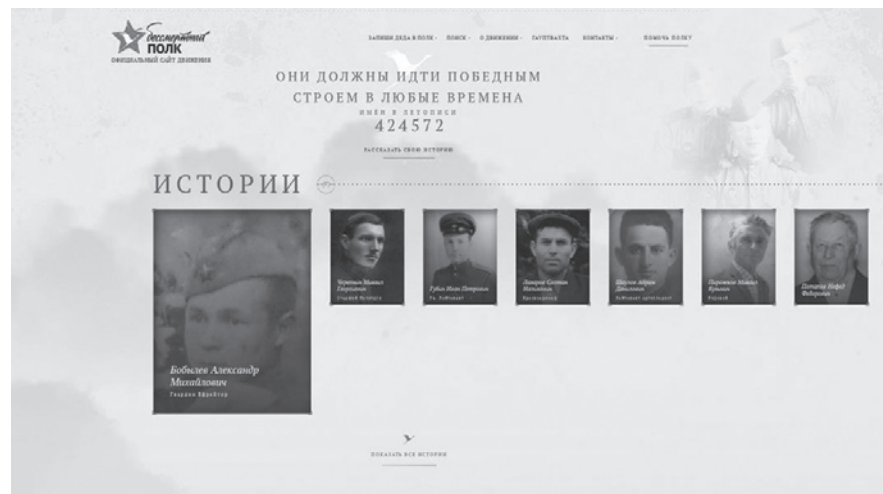
На фестивале «Преображенские встречи». Беседуют (слева направо): Игорь Дмитриев, священник Георгий Кочетков, Сергей Лапенков

Вы начинали акцию «Бессмертный полк». Прошли годы с рождения этой инициативы. Есть люди, которые и сегодня выходят 9 мая с живым настроем, я лично знаю таких, в том числе наших братчиков. Но при этом есть те, кто из этого делает что-то официозное, неживое...

Сергей Лапенков: Я знаю людей, которые когда-то начи-

нали вместе с нами, а теперь уже три года не ходят с «Бессмертным полком» – с тех пор как детей в школе стали *заставлять* готовиться, *заставлять* сдать фотографии, куда-то приходить... Они столкнулись с тем, от чего мы, наверное, хотели уйти в самом начале: от казённости. Нам кое-кто из друзей ещё в самом начале говорил: «Придут чиновники, всё испортят, всё переиначат, будет

то же, что произошло с георгиевской ленточкой». Но георгиевская ленточка – это история символа. Символом всегда проще управлять, он абстрактен. А «Бессмертный полк» – это истории конкретных людей. Переиначить миллионы историй и влиять на миллионы людей гораздо труднее, потому что у каждого человека есть своё собственное представление о том, какова его

Сайт www.moypolk.ru

история, своё отношение к ней, и оно трудно унифицируется.

Есть то, что мы называем традицией. У нас не было цели строить организацию. Нам хотелось просто вспомнить в этот день наших собственных дедов и подвести людей к очень простой мысли: 9 мая – это не просто праздник, такой, как, например, Новый год, а очень конкретная история из биографии семьи. И в том времени, которое мы вспоминаем, есть люди, без которых по очень простым биологическим причинам не было бы кого-то из нас. Мы вспоминаем не народ-победитель вообще, а человека, который имеет имя, фамилию, отчество, историю. И сегодня нам кажется более важной работа с сайтом «Бессмертного полка». Мы занимаемся прежде всего этим – и отчасти взаимодействием с той частью волонтеров-координаторов, которые продолжают, проводя «Бессмертный полк», придерживаться первоначальной традиции.

Есть люди, у которых личное отношение к памяти о войне начиналось не от своей

семейной истории, а от того, что у них болела душа о тех солдатах, которые лежат незахороненными. Скажите, вы с такими движениями как-то пересекались, сотрудничали?

Сергей Лапенков: Да, конечно. Вот лишь один пример. Наш сайт, про который я начал рассказывать, на сегодня представляет из себя уникальную базу данных, там более 430 тысяч историй, которые записали разные люди. Данные для него приходят отовсюду, даже из Италии, где есть замечательный человек – Массимо Экли, который многие годы восстанавливает имена советских военнопленных, бежавших из плена и воевавших в движении Сопротивления, в Гарибальдийских бригадах в северной Италии (эти списки мы публикуем на нашем сайте, проверяя, не выложено ли уже имя кого-то из этих людей родственниками). Огромная часть историй, которые люди заносят на наш сайт сами, связана с тем, что человек пропал без вести, ушёл на фронт и не вернулся. И не один раз случалось, что поисковики,

поднимая медальон погибшего, видели историю этого человека у нас на сайте: он там был обозначен как без вести пропавший. Мы связываем поисковиков с родственниками, которые эту историю выложили, и те узнают, где солдат погиб. С некоторыми отрядами мы поддерживаем более или менее постоянные связи. С моей точки зрения, они делают очень важную конкретную работу: поднимают павших солдат, восстанавливают их имена. Имя человека обретает историю, обретает жизнь. Это как раз то важнейшее, чего нам хотелось для «Бессмертного полка»: не плакат, не миллионы солдат, не выдающиеся полководцы, а один отдельно взятый человек, потому что у каждого была его своя собственная война. Чтобы о них память жила – о тех, про кого писал Виктор Астафьев в романе «Прокляты и убиты».

Получается, ваш сайт соединяет людей?

Сергей Лапенков: Есть истории, когда родственники находят друг друга. Больше года назад в Фейсбуке нам написала

То важнейшее, чего нам хотелось для «Бессмертного полка», – не плакат, не миллионы солдат, не выдающиеся полководцы, а один отдельно взятый человек, потому что у каждого была своя собственная война. Чтобы о них память жила – о тех, про кого писал Виктор Астафьев в романе «Прокляты и убиты».

одна американка. Она правнучка человека, который оказался в плену, но не вернулся в Советский Союз, опасаясь, что будет репрессирован. Он оказался на Западе, сначала в Канаде, потом в Америке. И она у нас на сайте нашла историю человека, который, как она думала, вспоминая описания, переданные ей по наследству от бабушки, был братом её прадеда. Мы связали потомков двух этих людей между собой, а потом получили письмо. Это действительно оказались родственники, они сделали ДНК-анализ, генетически подтвердили, что они родня. И эта женщина приезжала в Россию, она была так счастлива, написала: «У меня такая большая семья в России!». Таких историй много.

На сайте у нас есть Центр поисковой работы и небольшая группа волонтеров, которые помогают людям ориентироваться в архивном поиске.

Иногда люди начинают слишком вольно трактовать стремление восстановить связь поколений, зачёркивая при этом элементарные моральные оценки. Ю.М. Кублановский в своем интервью нашей газете с грустью вспоминал, что на шествие «Бессмертного полка» политик Вячеслав Никонов вышел с портретом своего деда Вячеслава Молотова, чья подпись красуется под сотнями рас-

стрельных списков. Это человек, руки которого в крови и который при этом в войне не участвовал своей собственной кровью. Что можно с такими искажениями сделать?

Сергей Лапенков: Мне не раз такой вопрос задавали, и про Никонова, и про всех остальных. Это остаётся прежде всего на совести человека. Если человек считает, что нарком иностранных дел участвует в войне, это проблема его совести. У меня есть хороший приятель журналист, он говорит: «Меня спасает второй дед. Первый у меня был энкавэдэшник, а второй честно отпахал до Берлина. Я, конечно, беру портрет второго. Но первый... он хоть и энкавэдэшник, но ведь всё равно мой дед».

Игорь Дмитриев: При этом нельзя не сказать, что у нас есть критерии участия, потому что совсем без границ, наверное, невозможно. Мы считаем таким критерием личное отношение к человеку, изображённому на портрете. Ведь «Бессмертный полк» – это история поколенческая, и касается она не только ветеранов армии и флота, но и тех, кто был в тылу (в первую очередь женщин), тех, кто был на оккупированной территории, детей войны, блокадников. Это история людей.

Формально Никонов не нарушает это правило. Если бы он нёс портрет не своего деда, а, например, его непосредственного

начальника, его можно было бы остановить.

У меня с этим вопросом связана личная история. Я знаю имя следовательницы, «состряпавшей» дело моего погибшего в лагере прадеда-священника. В 1940 году она попала под служебное разбирательство: шла «чистка рядов» НКВД, а она слишком явно просто диктовала показания свидетелям-агентам и засудила десятки, может быть, сотни невинных людей. Но потом она «выплыла» и даже получила в 1945 году орден Ленина. И я представляю себе, что кто-то выходит на шествие «Бессмертного полка» с портретом орденоносной бабушки, а она – убийца. Это ведь для всех нас вопрос – как из этого выходить? Нельзя же просто сказать: и те хороши, и те хороши...

Сергей Лапенков: Если бы я знал ответ на этот вопрос! Могу добавить лишь одно: у нас с «Бессмертным баракком» общий поиск. С Андреем Шалаевым, одним из инициаторов этого проекта, я познакомился сразу, мы встречались в Москве. С моей точки зрения, он делает важное дело, потому что жизнь людей очень часто складывалась так: воевал-сидел-воевал-опять сидел. Нельзя сказать, что это другая история, про другую жизнь. Это история про нашу жизнь. **КФ**

Крест в Химкинском лесу

Текст: Татьяна Авилова. Фото: Татьяна Авилова, Ольга Шафарева

Игорь Кувырков, сооснователь исследовательской группы «Москва-Волга», много лет рассказывает тем, кто готов его выслушать, трагическую историю создания канала

Этим летом малое православное Благоевещенское братство прожило вместе с детьми неделю рядом со станцией Катуар Савёловской железной дороги. Так мы неминуемо оказались в створе темы Дмитлага.

Многие станции этого направления несут память о событиях 80–90-летней давности. Сами их названия, такие, как Трудовая, Каналстрой, Соревнование и др., напрямую говорят о строительстве канала. Катуар тоже был одной из командировок Дмитлага – от Хлебникова до Дмитрова заключённые превращали железную дорогу из однопутной в двухпутную – для нужд стройки.

Для многих история канала им. Москвы впервые раскрылась

во всём своём трагическом объёме. Мы к этой теме готовились долго и заранее, и в отпущенную нам неделю смотрели фильмы, побывали в Дмитрове и на Икшинском шлюзе. На катере с прекрасным экскурсоводом Игорем Кувырковым (сотрудником Долгопрудненского историко-художественного музея, членом Долгопрудненского и Химкинского городских обществ краеведов) прошли по Глубокой выемке – это 12 километров канала от Клязьминского, Икшинского водохранилища до Химкинского, особенно трудного, т. к. нужно было прорезать высокую гряду холмов, чтобы вода самотёком могла пройти к Москве. От него же узнали о существовании нескольких захоронений в Химкин-

ском лесу. На одном из них было решено поставить памятный крест.

Илья Чахая, 16 лет:

Мне казалось, что канал «Москва-Волга» – это обычная стройка своего времени. Вот Беломорканал – это то, что строили заключённые, там было много жертв. А оказалось, что канал, который проложен по Москве, который мы часто видим, водохранилища, в которых купаемся, – такое же место ужасного труда заключённых. Это для меня открытие...

История этого захоронения такова: в 1933 году в деревне Ивакино (ныне район Химок) в бывшем Рахмановском поместье была устроена больница – один из трёх сангородков

канала им. Москвы. Немногие в ней выживали, и в итоге в этих местах стали хоронить умерших лагерников. Рядом оказались колхозные поля. Колхозники возмущались, и кладбище перенесли под деревню Терехово (ныне элитный поселок). Так как это был 1934 год, и уже вышел закон о регламенте захоронений, то кладбище несколько обустроили: прокопали по периметру рвы, а после войны засадили хвойными деревьями. Этот лес и по сей день стоит без подлеска, а на местах отдельных захоронений растёт отличная от остальной трава. Предположительно здесь лежат около 500 человек. Но на современных картах это кладбище не увидеть. Для ребят-подростков это оказалось настоящим и непростым делом – отыскать в лесу участок размером примерно 150 на 360 метров с явными следами захоронений в 70 на 150 метров. Несколько дней до экспедиции они изготавливали крест и табличку к нему с надписью:

«ЗДЕСЬ ЗАХОРОНЕННЫ
УЗНИКИ ДМИТЛАГА.
1932–1937
ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!»

Об установке креста мы попросили рассказать её участников.

Илья:

Вошли в лес, искали, как говорил Игорь Кувырков, прямые рвы. Сперва нашли овраг, но он явно природного происхождения, извилист. Нашли место пересечения двух прямых рвов, которые отделяли траву тёмно-зелёного цвета. Выбрали место для креста на небольшом возвышении, сзади красивая берёза и много света.

Ольга Волкина:

Как только мы вошли в этот лес, по внутреннему трепету и напряжению я почувствовала, поняла, что нас ждут. И это знание, пока мы ходили по лесу, смотрели на купины трав, отличающиеся от остальной растительности вокруг, понимая, что вот это – места захоронений, выбирали место для установки креста, оно не уходило, а всё более укреплялось.

Светлана Фомушкина:

Место траура. Люди умерли не своей смертью, вдали от родных, дома. Их не оплакали. Это важно не забывать. Мы, и подростки, и взрослые, с утра до четырёх часов дня не ели, не пили, и не хотелось...

Константин Матвейшин:

Крест преобразил пространство. Он стал центром света и силы. Крест раздвинул место скорби и стал лучом света Преображения. Когда несли крест, несли орудие страдания и на место страданий. Пели «Святой Боже»... Когда установили крест, он стал символом Победы и Преображения. И это почувствовали все, и дети, и взрослые. Как-то внутренне выпрямились и умолкли в благоговении перед совершающимся.

Натела Яковлева:

По возвращении навалилась усталость. Пришлось отменить запланированную встречу. Вспомнили об условиях, в которых жили узники. Официальный рабочий день 10 часов (на самом деле работали гораздо больше). Выходной раз в 10 дней. Скучная еда. Работа по пояс в воде (воспоминания местных жителей). Образ ада на Глубокой выемке: работа ночью, лязг техники, яркие прожекторы.

Борис Заболотский:

Установка этого памятного креста на месте захоронения узников Дмитлага встала для меня в ряд акций запечатления памяти о жертвах репрессий на нашей земле. Подобных мест, молчаливо хранящих эту память, очень много, и мы, живущие, проходим мимо таких мест и мимо этих людей. Так сложилось в нашей жизни, что мы смирились с тем, что и о нас скоро забудут. Но о человеке нельзя забывать, иначе мы и при жизни не будем замечать друг друга. И потому подобные памятные знаки так важны: и для тех, кто упокоен, и для живых. Крест, как воспоминание о жертвенной любви Иисуса Христа и Его победы над смертью, напоминает всем, что жизнь со смертью на земле не кончается, а в Нём имеет свое продолжение.

Мы молились о тех, кто лежит в этом лесу. Благодарили Бога за то, что Он доверил нам эти дела памяти и милосердия. Было ясно, что это начало ещё одного Божьего дела на нашей многострадальной земле, это путь. Только нельзя становиться теплохладными, нужно продолжать сердечно входить в эту память и в это служение. Память – категория духовная и важная для нас и для тех, о ком мы помним. И в нашей памяти, как и в памяти Божьей, их жизни продолжают.

Узники Дмитлага

Канал имени Москвы – это рукотворная река, протекающая на севере и западе столицы. В солнечную погоду канал радует глаз своей чистой голубой водой, по которой скользят белые пароходы. Но если углубиться в его историю, то вдруг начинаешь ловить себя на том, что каждый раз пытаешься как бы сквозь толщу воды увидеть тех, чьи кости лежат на дне, – бесчисленных его строителей, из которых практически никого не осталось в живых...

16 июля 1931 года пленумом ЦК ВКП(б) было принято решение о строительстве одного из крупнейших в мире гидротехнических сооружений – канала, соединяющего Волгу с Москвой. Москва задыхалась без воды. Ей с учётом производственных нужд требовалось в три раза больше воды, чем в неё поступало.

В 1932 году строительство канала передали в ведение ОГПУ. 14 сентября для строительства канала был создан Дмитлаг, и в него начали прибывать по этапу заключённые.

Административно Дмитлаг располагался на севере Московской области в городе Дмитров (фактически – по всему протяжению канала и в других местах строительства). Просуществовал он до 31 января 1938 года. В лагерь входило 240 лагерей. Варлам Шаламов писал: «Самый большой списочный состав лагерей был не на Колыме, не на Воркуте и не на БАМЛАГе. Самый многочисленный был Дмитлаг, Москанал с центром в городе Дмитрове... – один миллион двести тысяч человек. Это – в 1933 году, и большей цифры заключённых не было». Игорь Кувырков оценил число заключённых, прошедших через стройку канала, в 600–700 тысяч человек.

В московской части канала, как и на протяжении всех его 128 км, не признано и не увековечено ни одной могилы погибших строителей Дмитлага. Есть места явных захоронений, о которых рассказывали бывшие участники строительства, помнят местные жители, но ни одно из них

не прошло официального оформления и меморизации. Документы Дмитлага утрачены. В 1941 году при подходе немцев к Дмитрову лагерный архив срочно эвакуировали. Существует акт списания гигантского объёма документов, погибшего под Рыбинском от немецкой бомбардировки. Установить точные места всех захоронений сейчас практически невозможно. Живых свидетелей не осталось.

Официальная цифра жертв Дмитлага – 22482 человека. Однако это только смерти, зафиксированные в больницах Сангородков, а те появились лишь в конце 1933 года. Самые же массовые жертвы были как раз в начале стройки, но они нигде не учтены. В первый год главной рабсилой (официальный гулаговский термин) были пригнанные жители Средней Азии, во все не приспособленные ни к климату, ни к условиям жизни – они практически все умерли. Людей закапывали где придётся – под ногами, в отвалах земли. Предъявленная цифра жертв также не учитывает смерть от расстрелов – в лагере нередко были случаи побегов.

Московские массовые захоронения находятся там, где больше всего погибло эков: вокруг шлюзов канала «Москва-Волга». Это район нынешнего Никольского тупика (дамба через речку Химку у 7-го шлюза), бывшая деревня

Щукино, располагавшаяся на месте нынешнего жилищного комплекса «Алые паруса» у 8-го шлюза.

Известны места захоронений в парке «Покровское-Глебово», между 7-м и 8-м шлюзами, на берегу речки Химки.

Мало кому известны захоронения расположены в Нижних Мнёвниках, у 9-го шлюза (за нынешним рестораном «Ермак», Нижние Мнёвники, д. 41, к. 1).

Есть свидетельства строителей, прокладывавших две новые нитки тоннелей Волоколамского шоссе под каналом между 7-м и 8-м шлюзами и строивших транспортную развязку на пересечении улицы Свободы и Волоколамского шоссе. Они сталкивались и с огромными рвами, внавалку заполненными скелетами (при строительстве опор эстакады), и с замурованными в основание канала трупами (при строительстве новых тоннелей под каналом).

На строительстве 10-го шлюза, в Перерве, было два отдельных лагеря: один – для священников, другой – для «шпионов», в основном сотрудников Коминтерна. Хоронили эков на нынешней Коломенской набережной, у верхних ворот 10-го шлюза. Впрочем, погибающих было так много, что все окрестные рвы в Коломенском были заняты трупами. Речники рассказывают, что после каждого весеннего водосброса скелеты эков можно увидеть на обнажающихся склонах парка «Коломенское». КФ

Лицом к народу

В Тверской епархии прошёл семинар в необычном, новом формате с участием митрополита Тверского Саввы и мирян, членов Преображенского братства

Фото с сайта Тверской епархии и сайта Преображенского содружества

В президиуме: председатель Боголюбского братства Андрей Васенёв, митрополит Тверской и Кашинский Савва, председатель Свято-Мариинского братства Лидия Крошкина

Семинар, посвящённый Поместному собору 1917–1918 гг., состоялся 12 октября в храме Двенадцати апостолов Тверского епархиального управления по благословению и при участии митрополита Тверского и Кашинского Саввы. Участие в семинаре нового епархиального архиерея, несомненно, связано с тем, что митрополит Савва в течение многих лет, будучи наместником московского Новоспасского монастыря, возглавлял научно-редакционный совет по публикации трудов Собора.

Ведущим вечера был председатель Боголюбского братства Андрей Васенёв. Это тоже не удивительно: тема наследия Поместного собора всегда была важна для Преображенского содружества, в которое входят несколько тверских малых православных братств, участвовавших в организации и проведении семинара.

На событие откликнулись самые разные СМИ.

Сайт Тверской епархии основной акцент сделал на центральном докладе семинара: «Семинар был открыт приветственным словом митрополита Тверского и Кашинского Саввы. Далее пленарное сообщение по теме семинара сделала магистр богословия Лидия Крошкина... <Доклад был посвящён> анализу одного из документов Поместного собора Православной Российской церкви 1917–1918 гг. – Определению “О церковном проповедничестве” – и отвечает на вопрос, каковы истоки соборного документа и связанной с ним дискуссии, как проблемы, затронутые в Определении, обсуждались до собора, как они решались в дальнейшем... Особый интерес представляет пункт Определения о создании благовестнических братств и перспективы его дальнейшего воплощения», – говорится в новости, размещённой на епархиальном сайте. Вслед за новостью приводится и сам текст доклада.

В дискуссии выступает председатель
Миссионерского отдела Тверской епархии
протоиерей Александр Шабанов

Сайт Преображенского братства большое внимание уделил дискуссии, последовавшей за докладом.

Он приводит мнение епархиального архиерея: «Прекрасная идея – создание благовестнических братств, чтобы миряне могли проповедовать в храме. Есть соответствующее решение Синода, принятое ещё в 1990-х, которое позволяет говорить слово мирянам, ученикам духовных школ. Конечно, остро стоит вопрос о доверии слушающих проповеднику: не скажет ли он какую-нибудь ересь или крамолу. Создать такое братство не сложно, но, видимо, нужен какой-то совет, чтобы прослушивать проповедников, смотреть, какое у них духовное образование. Не секрет, что батюшки часто не успевают толком подготовиться к проповеди, и такой подход мог бы решить проблему... Во время обсуждения докладов митрополит Тверской и Кашинский Савва сказал, что, по его мнению, большинство решений Поместного собора 1917–1918 годов уже реализованы, но претерпели вынужденные изменения в связи с адаптацией под современную церковную и общественную ситуацию».

Озвучено на сайте и мнение ведущего по поводу ещё одной важной темы Собора – проблемы перевода богослужения: «Острота вопроса даже не в языке, а в постановке проблемы. Панический страх вызывает немедленная тотальная русификация богослужения, но этого никто и не предлагает. Нам важно научиться видеть и принимать всё разнообразие церковных традиций».

Перечислены и другие темы дискуссии: «какими качествами должна обладать приходская община, как свидетельствовать о своей вере близким, чем можно заинтересовать и что доверить молодёжи в церкви».

Событие нашло свое отражение и в светской прессе: тверской еженедельник «Караван+Я» опубликовал репортаж, показывающий, что общество может смотреть на происходящее в церкви не только с уклончивым подозрением, но и с доброжелательным интересом:

«Признаться, мне казалось, что это во сне происходит. Митрополит, который способен к диалогу, с удовольствием отвечает на умные вопросы, поднимает злободневные проблемы... В стенах Тверской митрополии удивительно было слышать, например, о том, возможны ли выборы епископата и духовенства. Митрополит Савва считает, что пока, в силу того, что большинство прихожан мало интересуется жизнью общины, такие выборы невозможны, но когда-нибудь Дух Святой управит нашу Церковь так, что мы к этому придём. Или вопрос о богослужебном языке. По словам митрополита Саввы, сам он очень любит церковнославянскую службу и мало представляет себе некоторые возгласы по-русски, но часть вечернего богослужения, например, каноны святым или праздникам, было бы полезно читать на русском языке, равно как и уместно чтение по-русски Посланий апостолов и Евангелия за литургией. Он считает, что если община какого-то храма захочет, чтобы служба шла на русском языке – то так тому и быть».

Я 30 лет слушала проповеди бывшего владыки Виктора, и сейчас, на контрасте, меня приятно поразило, что нынешний митрополит спокойно говорит слова, которые мы, нынешние православные, даже как-то подзабыли. Спасение. Любовь. Христос. Евангелие. Именно изучение Евангелия, в разных аспектах – от археологического и географического до филологического и философского – митрополит Савва считает тем, что привлечёт в Церковь молодёжь». **КФ**

Свободное пространство дискуссии

О конференции в Санкт-Петербургской духовной академии рассказывает один из докладчиков, декан богословского факультета Свято-Филаретовского института Зоя Михайловна Дашевская

Фото: Анастасия Наконечная

Доклад З.М. Дашевской был посвящён принципам и методам дореволюционной русской литургической науки

Ведущие секции по литургике, первый проректор Владимирской семинарии прот. Евгений Липатов (справа) и доцент кафедры церковно-практических дисциплин СПбДА прот. Виталий Грищук

По традиции в первом месяце каждого учебного года в стенах Санкт-Петербургской духовной академии проходит международная научно-богословская конференция. В этом году 25–26 сентября в пленарном заседании конференции «Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки» и тематических секциях, посвящённых

истории Церкви, библейской экзегетике, религиозной философии, литургике, церковному искусству, приняли участие почти 90 ученых из 5 стран мира и 16 городов России. Среди докладчиков была и декан богословского факультета Свято-Филаретовского института, преподаватель литургии Зоя Михайловна Дашевская. Мы попросили её поделиться своими впечатлениями.

Мой доклад был включён в программу литургической секции. Надо сказать, там обсуждались очень интересные вопросы, и аудитория была полна слушателей, преимущественно студентов Академии; все они с большим интересом и очень живо отзывались на каждый доклад. Секцию вёл первый проректор Владимирской

семинарии протоиерей Евгений Липатов.

Приятно удивила смелость и открытость студентов, которые без всякого стеснения в присутствии преподавателей свободно задавали достаточно острые вопросы.

Один из первых докладчиков посвятил своё сообщение крюко-

вой нотации, проанализировав рукописи в различных редакциях и представив итоги своей сравнительно-аналитической работы, в том числе вокально.

Протоиерей Евгений Липатов посвятил своё выступление рассказу о практике совершения уставных всенощных бдений во Владимирской семинарии. В

рамках доклада о. Евгений изложил известный рассказ профессора М.Н. Скабаллановича об «исторической всенощной», которую совершили преподаватели и студенты Киевской духовной академии¹. Докладчик указал, что в их практике также присутствуют уставные святоотеческие чтения, а сама всенощная в семинарии совершается строго по уставу и потому продолжается 4,5 часа: «Владыка у нас любит помолиться, да и мы тоже». И всё же ими было принято решение читать святоотеческие чтения по-русски: тогда хоть кто-то что-то будет понимать. Правда, при этом о. Евгений категорически высказался против каких бы то ни было изменений в существующем богослужебном строе. Осталось не очень понятным, насколько вдохновляет людей такая уставная молитва, собирается ли на неё церковный народ, участвует ли в ней и как, и какие цели ставят перед собой её совершители помимо церковно-археологических.

Один из наиболее острых докладов – протоиерея Константина Марковича, доцента кафедры церковно-практических дисциплин СПбДА, специалиста по патристике – был посвящён проблеме служения с открытыми и/или закрытыми царскими

вратами. На основании святоотеческих текстов докладчик объяснил, что идея закрывать царские врата не соответствует ни святоотеческой традиции, ни нормам Священного писания, ни новозаветному Откровению. После доклада развернулась бурная дискуссия, потому что о. Евгений сказал: «Как же так, но ведь если мы всё откроем, то *они* будут на всё это смотреть. И что *они* увидят? На спину мою *они* будут смотреть?» Протоиерей Константин ему отвечал: «А как же общее служение, единое евхаристическое собрание, а как же молитва едиными устами, единым сердцем?» – «Что Вы! Написано же, что иконостас должен закрывать народ от чрезмерного излияния благодати!» В общем, дискуссия была оживлённой.

Я в своём докладе рассказывала о том, как сегодня можно сопоставить принципы и методы дореволюционной русской литургической науки с теми подходами, которые мы встречаем сегодня в российских учебниках и учебных пособиях по литургике, вышедших из печати за последние 8–10 лет. Я была приятно удивлена, когда один из присутствующих студентов задал мне вопрос: «Так что же *нам* тогда делать, чтобы наши литургические разработки соответствова-

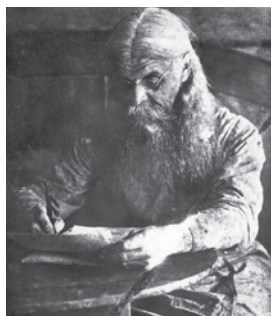
В дискуссии активное участие принимали студенты Академии

ли современным задачам и в то же время учитывали прежний опыт?» Все вопросы, адресованные докладчикам, касались существа дела, студенты живо реагировали и, как уже был повод отметить, весьма свободно себя ощущали. Это, конечно, большое достоинство конференции. Многие с интересом слушали, конспектировали, задавали вопросы, общались, и можно свидетельствовать, что конференция была содержательным и радостным событием. В целом обстановка была творческая, доброжелательная; даже развернувшаяся между преподавателями академии и гостями конференции секционная дискуссия показала, что конференция, проводимая на базе СПбДА, является площадкой не только для предъявления итогов работы, но и пространством диалога, за что слава Богу! КФ

¹ Совершение Всенощной по всем требованиям Типикона в Киевской духовной академии в начале XX века силами энтузиастов из преподавательского состава и студентов

Академии продолжалось почти 8 часов и подробно описано в книге М.Н. Скабаллановича (см.: Толковый Типикон. Часть II. М., 2004. С. 730–735).

Братский помянник

9 ноября закончил свой земной исповеднический путь епископ Макарий (Опоцкий) (1872–1941).

Будучи ещё молодым священником, отец Николай Опоцкий познакомился с Н.Н. Неплюевым (1851–1908) – потомственным аристократом, основателем и блюстителем Крестовоздвиженского православного трудового братства (1889–1929). Эта встреча стала важнейшим событием в его жизни. Побывав в братстве, отец Николай навсегда разделил и полюбил идею братской жизни.

Первое братство он основал в 1908 году в новгородском селе Велебцы. Впоследствии, уже в советское время, приняв епископскую хиротонию, он открывал братства в разных городах – там, где жил. К 1937 году братский круг вл. Макария составлял около 70 человек из Галича, Великого Новгорода, Череповца, Ленинграда, Кирова и Буя Костромской области.

Важным событием в жизни владыки стало благословение патриарха Тихона на его служение епископом-катехизатором в 1924 году. После 1937 г. вл. Макарий

проживал в Новгороде на нелегальном положении. Он окормлял братство, тайно проживая в братском доме на Средней Конюшенной улице.

15 августа 1941 года Новгород был оккупирован и братчикам пришлось покинуть город. Владыка Макарий скончался 9 ноября 1941 года в окружении своих духовных чад в здании школы села Витка под Новгородом.

11 ноября отошёл ко Господу исповедник веры архимандрит Борис (Холчев) (1895–1971).

С юношеских лет будущий отец Борис стал духовным чадом отца Алексия Мечёва. Первый раз был арестован в ходе кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 году. По окончании философского отделения МГУ Борис работал ассистентом-психологом в Институте психологии при медико-педагогической клинике профессора Кашенко и в Первом вспомогательном институте для умственно отсталых детей. Оптинский старец Нектарий одобрил желание Бориса написать кандидатскую диссертацию, однако перед самой защитой ска-

зал не защищаться, а идти в диаконы церкви Николая в Клённыхках.

В 1928 году о. Борис был рукоположен в священника. В 1931-м – осуждён к пяти годам лагеря. Выйдя из него, до 1945 года окормлял «мечёвцев», проживая в Рыбинске. Затем по приглашению митрополита Гурия (Егорова) служил в Фергане. Отец Павел Адельгейм вспоминал: «Молитва и проповеди отца Бориса привлекали местных жителей. Храм всегда был наполнен народом. По субботам и воскресеньям крестили по сорок младенцев. Взрослых о. Борис готовил к Таинству. Изредка приходили креститься узбеки и корейцы. На беседу приходили баптисты. Отец Борис принимал их с любовью». После того, как епископ Ермоген (Голубев) пригласил отца Бориса служить в кафедральный собор Ташкента, там собралось много священников и монахинь из «мечёвцев» и петроградского Александро-Невского братства. Сохранились воспоминания о нём как духовнике. «Помню исповедь, – рассказывала его духовная дочь. – Аналогия не было. Крест и Евангелие лежали на столике, на котором он служил. Он стоял перед столиком, опустив глаза, и слушал, не перебивая. Удивительно легко было ему рассказывать. Я стояла за его спиной. Совершенно не чувствовалось присутствие человека, словно один Бог. Когда замолкнешь, он скажет два-три слова, не больше,

но именно те самые, которые тебе нужны». Порой отец Борис исповедовал после вечерней службы до полуночи.

Отец Павел Адельгейм писал: «Архиепископ Ермоген и архимандрит Борис были соратниками у Бога. Их дело разрушала и советская власть, и церковная. Их дело всю жизнь испытывалось огнём. Иногда казалось, что всё разрушится. Но оно устояло в огне и созрело для вечности. А ныне они унаследовали Царство, которое обещал Бог любящим Его (Иак 2:5)».

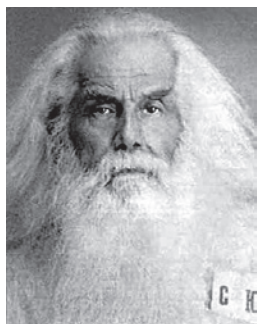

15 ноября отошёл ко Господу преподобный Паисий (Величковский) (1722–1794).

Благодаря преподобному Паисию в церковь во многом вернулось переживание монашества как захватывающего идеала. Он говорил: «Таковое общежительное житие всех братий, в нём о Имени Христове собранных, аще бы и от различных народов и стран были, к толикой любви связует, яко всем быти едино тело, друг другу же уди [члены]: всем обще едину имущую Главу – Христа, всем горящим любовью к Богу и к своему по Бозе отцу и друг ко другу, едино сие всем

единодушно и единомысленно имущим предложение, усердно Божия делати и хранили заповеди, друг друга на сие поощряюще, друг другу в таковом разуме повинующеся, друг друга тяготы носяще, друг другу бывающе господие, и друг другу рабы. И за таковую свою истинную, духовную и единомысленную любовь, Господню и апостольскому и ангельскому житию подражатели бывают, отцу своему по Бозе и наставнику, аки Самому Богу...»

Свежее дуновение в монашескую жизнь старец Паисий внёс благодаря особым дарам: сердечной молитве, дару духовного руководства множеством братьев (имел попечение более чем о тысяче монахов) и редкому дару соблюдать в единстве братьев разных национальностей (в монашеской общине Паисия жили вместе румыны, украинцы, русские, болгары, сербы, греки).

20 ноября был расстрелян священномученик митрополит Кирилл (Смирнов) (1863–1937).

Будущий митрополит Кирилл был одним из основателей Кирилло-Сергиевского Урмийского братства в Петербурге (1904 г.) и активным участником Крестовоздвиженского братства в Тамбове (1909 г.). Будучи первым кандидатом в

патриархи после кончины патриарха Тихона, он пользовался непрекращаемым авторитетом среди своих собратьев. Неслучайно во время тайных выборов 1926 года (большинство архиереев передавали свои подписи из разных мест) патриархом был избран именно митрополит Кирилл. Власть готова была согласиться с результатами этих выборов, которые ей были известны, при условии, чтобы все хиротонии и перемещения архиереев происходили с её прямой санкции. Рассказывают, что в ответ на это предложение Евгения Тучкова митрополит Кирилл произнёс: «Евгений Александрович, вы не пушка, а я не бомба, которой вы хотите взорвать изнутри Русскую Церковь».

Отказ сотрудничать с советской властью стоил митрополиту Кириллу не только свободы, но и жизни: с 1926 по 1937 годы он практически непрерывно находился в заключении и был расстрелян по обвинению в контрреволюционной деятельности.

25 ноября мученически завершил свой земной путь в киевской Лукьяновской тюрьме протоиерей Александр Глаголев (1872–1937).

Известный киевский пастырь родился под Тулой. После окончания Киевской духовной академии там

же преподавал и в двадцать восемь лет возглавил кафедру Священного Писания Ветхого Завета. Широко эрудированный, европейски образованный, владеющий почти двадцатью языками, он был членом Комиссии по научному изданию славянской Библии, принимал участие в издании Православной Богословской энциклопедии и Толковой Библии Лопухина.

В течение нескольких лет избирался членом ревизионной комиссии ставропигиального Богоявленского братства для вспомоществования служащим и студентам КДА. Он говорил: «Братство — союз и общение любви для защиты истинного православия и духовной самобытности русского народа. Вступавшие в братство записывались в братский список, “целовав крест, одним сердцем и одними устами, каждый за всех и все за каждого, держась православия и соединившись духом пламенной любви”... Как члены братства академического, мы должны являть и свидетельствовать любовь братскую и единение не словом и языком, но делом и истиною».

29 ноября был расстрелян священномученик архиепископ Иннокентий (Тихонов) (1889–1937).

Четвёртая часть его земной жизни прошла в тюрьмах, лагерях и ссылках. В молодости он был одним из основателей и руководителей Александрово-Невского братства в Петрограде, членом которого писал из ссылки: «Паки и паки скажу вам: Братство есть единственно истинная в условиях нашей жизни форма церковного единения; форма притом такая, какую, думается, не разрушат и самые врата ада. В этом смысле заявляю: Братство священо, возлюбите и оцените его надо. И прошу и умоляю, и с прещением говорю: среди нас не должны быть слышны слова, до глубины души волнующие меня — хотя теперь уже только по воспоминанию: “Ухожу из Братства, не хочу с ними жить и молиться, буду в другую церковь ходить”. Горе вам — хочется сказать им. Вы не знаете, какие силы явлены в вас. Тир и Сидон в вашем положении покаяться бы. А вы ничем вразумиться не хотите. Надеюсь, однако, друзья мои, что среди вас уже не слышится подобных выражений, хотя супостат наш диавол, истый кого поглотит, и нашептывает их в сознании многих. Будем стыдиться этих мыслей и всячески избегать их. Молитесь о Братстве, как о великой милости, посланной вам Господом Богом, и дорожите им, и радуйтесь, что через него вы приобщены к телу Церкви, в которой и спасение себе получаете».

В возрасте 48 лет, будучи правящим архиереем Винницкой епархии, владыка принял мученическую кончину. В 2015 году включён в состав Собора винницких святых Украинской православной церкви.

КФ

Увидеть по-новому Кремль

«Кифа» продолжает серию материалов, посвящённых 30-летию СФИ. В каждом из номеров преподаватель и студент рассказывают про очередные 5 лет жизни института. Сегодня речь о пятилетии 2008–2013 гг.

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная. Фото Дмитрий Писарев и архив СФИ

Сретенские чтения. 2009 г.

Лекция профессора Ф.Н. Козырева, директора Института религиозной педагогики Русской христианской гуманитарной академии. 2013 г.

Рассказывает выпускница Свято-Филаретовского института, сотрудник фармацевтической компании, руководитель подростковой группы детско-юношеского направления Преображенского братства Ольга Кочеткова

Что Вам больше всего запомнилось в годы учёбы?

Мне очень запомнился курс Александра Михайловича Копировского по церковной архитектуре и изобразительному искусству. Запомнились его правила: если ты опаздываешь, тоходишь тихо, у тебя в руках уже должно быть всё, что тебе приго-

дится для занятия. Никаких телефонов, никаких эсэмэсок – ничего этого быть не могло в принципе у него на лекциях.

Очень запомнилось, что он чередовал лекции с семинарами, и к каждому семинару мы должны были посмотреть картинки в интернете – храмы или иконы – и прислать то, что понравилось больше всего. И сначала не было

заданий разобраться во времени, в стиле и т. д., а только выбрать, что понравилось; а вот уже когда понравилось, тогда уже и разбирались, и писали ему письма. И если даже писали ночью, он отвечал практически тут же.

Запомнилась экскурсия в Кремль, который я очень любила после этого. Первая экскурсия была в начале курса, и тоже

Актный день СФИ. 2011 г.
Выступает протоиерей Павел Адельгейм

Экскурсию в залах Музея древнерусской культуры и искусства
им. Андрея Рублёва проводит А.М. Копировский

было задание всё увидеть, всё посмотреть, и дать только своё впечатление, маленький отчётник. А потом была экскурсия в конце года, и вот тогда Александр Михайлович уже смотрел – что изменилось с нами, что запомнилось. И мы уже по-другому смотрели, другими глазами. Мы уже знали, что «Благовещение» – это икона XIII века, уже понимали, почему в центре иконостаса Христос, какой ряд икон самый главный.

Было поразительно сдавать экзамен у него на курсе. Я помню, в конце года я бежала на экзамен и читала: «Как нужно реставрировать и хранить иконы» – такой у меня был текст из интернета. Прибегаю, сажусь – всё просто: берёте листик, ручку, вот вам фотография, распознавайте и пишите время, место, название. У меня на фотографии был храм, которого он нам не показывал. Я говорю: на Софию похоже, но не София. Он говорит: да, правильно, это родной её брат. По тому же типу построен и примерно в то же время.

В конце нулевых – начале десятых у института было непростое время. Это чувствовалось?

Я начала учиться в 2010-м, и помню, что проверки были постоянно, мы постоянно молились, чтобы они закончились благополучно. Мне сложно сравнить с другими периодами, но я помню,

что каждые полгода мы в струнку становились.

А что было самым сложным во время учёбы?

Наверное, третий курс, потому что там был древнегреческий и была русская философия. К каждому семинару надо было прочитать очень много текстов. Но этот курс, пожалуй, один из самых запоминающихся и то, что я получила тогда, сейчас приносит плоды.

Какие воспоминания остались от защиты выпускной работы?

Было очень важно, что за два года до защиты ты должен был взять тему, а заканчивая предпоследний курс, уже должен был представить какой-то приблизительный план. И дальше каждый месяц-два кафедральная комиссия, которая работала с нашими выпускными работами, – Зоя Михайловна Дашевская, Александр Михайлович Копировский, Давид Мкртичевич Гзгзян, представители профильных кафедр нас настойчиво спрашивали: «А что у тебя сейчас? Как идёт работа? С чем успел продвинуться, с чем не успел?» Это тяжело в психологическом плане, но я думаю, что всё-таки многих именно таким образом благополучно довели до защиты.

Я защитилась в сентябре 2015 года. По сравнению с работами, скажем, 2010 года стало

больше анализа. Даже в исторических работах, несмотря на то, что ты раскапываешь материалы, которые ещё никто до тебя не смотрел, делаешь какие-то маленькие научные открытия, проводишь исследования, обязательно требовался анализ. В светских университетах к бакалаврским работам таких требований не ставят. Это трудно, мы чаще всего этого делать не умеем. Очень немногие студенты могут это делать.

А напряжение, конечно, было большое. Мне кажется, должен быть человек, который тебя поддерживает. Маргарита Васильевна Шилкина просто спасла меня, потому что я уже была на пределе сил: за месяц до защиты мы в последний раз меняли план, добавлялся анализ, и хотя текст мало менялся, но всё равно психологически это было очень тяжело. И после того, как она за это взялась, прочла работу и сказала: мы идём с тобой защищаться – конечно, мне стало значительно легче.

Наверное, самое главное, что защиту не надо откладывать. Надо приложить это усилие, перебороть все свои эмоции и вовремя защититься. Ведь потом вернуться к этому очень трудно.

Ваша основная работа далека от богословия. Используйте ли Вы полученные знания?

Всё, что я узнала в Институте, помогает мне и в жизни, и в служении.

Из истории СФИ

— В 2011 году учредитель СФИ – РОО «Сретение» – вошло в состав Совета православных общественных объединений при Синодальном отделе Московского патриархата по взаимоотношениям церкви и общества.

— С 2011 года Свято-Филаретовский институт совместно с общественными организациями и епархиальными отделами разных регионов России выступает соучредителем передвижных выставок, посвящённых церковной истории XX века.

Рассказывает преподаватель дисциплин «Гомилетика» и «Современные подходы к канонизации и изучению опыта новомучеников» Лидия Крошкина

Как получилось, что живя в Твери, Вы стали преподавать в московском вузе? Трудно ли было решиться?

Предложение читать курс гомилетики поступило ко мне во время учёбы в магистратуре после одного из семинаров с отцом-ректором. Преподавать искусство проповеди обычно доверяют священникам или профессорам, но никак не женщинам. Считается, что им непозволительно проповедовать, не то чтобы преподавать науку проповеди. Поэтому для меня это предложение было, во-первых, очень удивительно, во-вторых, оно меня вдохновило, потому что свидетельствовало о том, что наш институт замечателен не только тем, что обучает мирян, но и тем, что ищет и находит новые, иногда совсем неожиданные, пути. Решиться было легко, потому что я очень доверяю отцу-ректору, и потому что для меня такое предложение – большая честь. Сомнения были только в том, справлюсь ли. Впрочем, риск, когда ты доверяешься Богу, зная, что не достоин чести, но всё равно Бог тебя призывает, – такой риск окрыляет.

Как Вы готовили свой курс, можно ли его назвать авторским? На какие материалы Вы опирались?

Прежде всего я опиралась на курс отца Георгия, который он вёл в 1990-е годы. Но я, конечно, перечитала все доступные курсы и дореволюционные, и советские, и современные. Большинство материалов, скажу честно, не учитывают адресата проповеди, не ставят перед проповедником вопрос: кто перед тобой – верный, неверующий, оглашаемый? Специфика курса в нашем институте в том, что гомилетика занимается только церковной проповедью, т. е. обращённой к верным церкви. Практически во всех материалах, что дореволюционных, что современных, этого различия нет. Но если до революции это как-то было оправдано, т. к. считалось, что все верующие, то сейчас, если говорить всерьёз, верующих и тем более церковных людей меньшинство, поэтому в преподавании науки о проповеди это надо строго различать. В СФИ именно поэтому сложился курс МКГ и главная выпускающая кафедра так и называется – кафедра миссиологии,

катехетики и гомилетики. Все эти дисциплины занимаются проповедью, но строго различая адресата.

Ещё мне очень близки такие авторы, как М.М. Тареев, архиеп. Харьковский Амвросий (Ключарёв), Н.П. Аксаков. Из современных можно назвать В.В. Бурегу, автора нового пособия. Но это всё вспомогательные материалы. Курс о. Георгия – главная опора.

Сколько лет Вы преподаете в СФИ? Заметны ли какие-то изменения – в составе и подготовке студентов, в общей атмосфере, в чём-то ещё?

Преподаю я с 2010 года. Вообще наши студенты – это чудо. После светских вузов, даже самых лучших (как, например, РГГУ), наши студенты поражают качеством целостности и мотивированности. Никто не сачкует, не обманывает. Это студенты особой породы, каких редко увидишь в других учебных заведениях. Хотя в общекультурной подготовке есть проблемы у многих. Всё-таки гуманитариев не так много. А мой курс требует гуманитарных основ. Но духовный настрой может многое покрыть. **КФ**

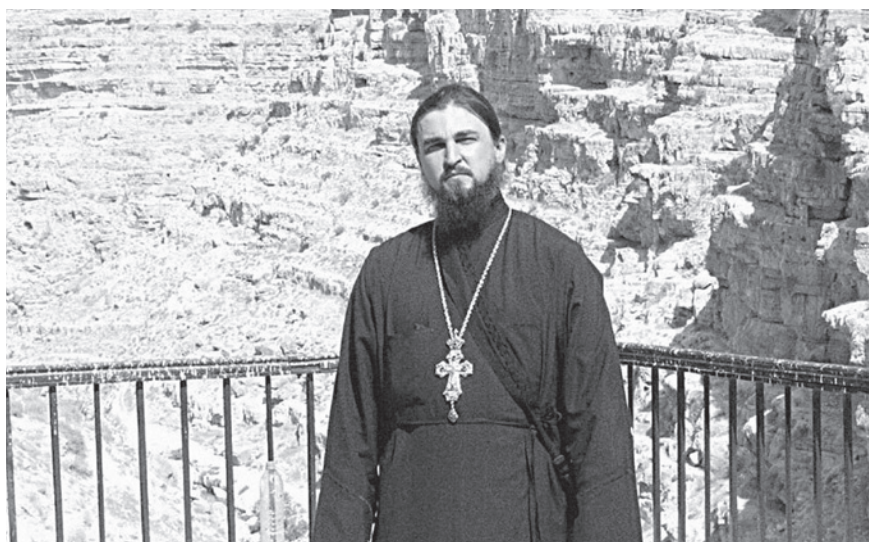

Заседание кафедры миссиологии, катехетики и гомилетики. 2009 г.

Путь к совершенству

Из интервью с архимандритом Нафанаилом (Присэкару), насельником монастыря вмч. Иакова Персиянина в молдавском селе Сирец. Интервью было взято в рамках подготовки дискуссионной площадки «Современное христианское иночество: жизнь в миру или выход из мира» (фестиваль «Преображенные встречи», 2018 г.)

Беседовали Юлия Патракова, Елена-Алина Патракова, Игорь Бурдиенко. Фото с сайта

Отец Нафанаил, благодарим Вас за согласие встретиться и поговорить о современном монашестве и христианском иночестве. Передаём Вам сердечный поклон от братьев и сестёр Паисиевского братства.

Вы когда-то избрали монашеский путь. Какой Вы видите цель монашеской жизни? Изменилось ли Ваше представление о ней с тех пор, как Вы избрали этот путь?

Цель монашеской жизни, как нам её передали святые отцы, – это стяжание духа Божьего и перерождение своего сердца, воспитание внутреннего человека.

У меня всё пошло от вечных, бытийных вопросов о Боге. Вообще-то я вырос в нерелигиозной семье, и для меня всё это было новое, но влекло желание познать Бога, вечные вопросы не давали покоя. Я понял, что через монашество можно ближе подойти к Богу и служить Ему всем сердцем. Позднее, постепенно вникая в таинства монашеской жизни с помощью духовника, я понял, что через монашество можно познать христианство в его глубине. По ходу, попозже, возник вопрос и о священстве. Я понял, что монашество может дать полноту личной жертвенности Богу. Я выбрал монашество, считая, что это истинный, совершенный путь.

Мне запомнилась беседа архимандрита Софрония (Сахарова), где он поясняет евангельский рассказ о том, как к Спасителю приходит юноша с вопросом: как спастись, как обрести жизнь вечную? Христос говорит ему, чтобы тот сохранял и исполнял Закон Божий, заповеди, а юноша отвечает, что сохранил это. И Христос тогда говорит: «Если хочешь быть совершенным, то продай всё своё имение... и иди вслед за Мной» (Мф 19:21). Отец Софроний говорит об этих евангельских строках, что молодой человек был очень благочестивым, и тогда Господь предложил ему совершенный путь – отречься от всего. Евангелие описывает, что юноша опечалился, т. к. был слишком богат. Самая главная здесь мысль – Господь предложил ему совершенный путь.

Думаю, что такой путь отречения от мира совершенен. Это не означает, что нельзя дотрагиваться до материальных вещей, это нужно понимать правильно. Необходимо отказаться от пристрастия внутреннего человека ко всему мирскому – вот что остаётся вечным, совершенным путем познания Бога.

Думаю, что цель монашества всегда остаётся такой – познание Бога. Жизнь вечная в том и за-

ключается. Спаситель говорит: «А жизнь вечная в том, чтобы знали Тебя, единого истинного Бога» (Ин 17:3). Поэтому и для монахов первых веков, и в средневековье, и для нас, монахов, живущих в XXI веке, цель одна – служение Богу. И ещё, как один старец говорил по-румынски, «*sălcucerești pe Dumnezeu*», в переводе значит «покорить Бога», т. е. в себе покорить.

Это, действительно, очень трудный путь, но он прекрасный. Начало всегда трудное. Когда человека постригают в монахи, говорят: «Запомни, враг рода человеческого будет тебе приносить воспоминания о твоей ветхой жизни. Будь внимателен к себе и отсекай их. Чётки – твой меч». Так что цель монашеской жизни – познать Бога, «покорить» Бога, переродиться, принять то, чем нас хочет обогатить Господь, принять Его благодать.

Вы сказали, что монашество – это совершенный христианский путь. Не все христиане призваны быть монахами. Каким, на Ваш взгляд, может быть путь к совершенству для христиан-немонахов?

У монахов первый обет – это послушание. Через послушание он отсекает свою, поврежденную страстями волю и смиряется, тем самым обретает благодать.

Если перевести это на христианина, который живёт в миру, то, наверное, для него послушание тоже «работает». У практикующего христианина, живущего в миру, обязательно должно быть послушание – это связь со своим духовником, священником, храмом, невзирая на то, что духовник может быть не таким,

как его мирянин представляет. Но послушание священнику-духовнику должно быть. Преподобные отцы говорят, что если даже твой наставник не «богоносный», не достиг духовных высот, но он возьмёт твою волю и обезопасит её. Ты не будешь пребывать в своеволии и тем самым будешь смиряться. Думаю, для мирянина послушание обязательно – не хождение по монастырям и по духовникам: сегодня один, завтра другой, – необходимо всегда быть в послушании. Это первое. Если держаться послушания, оно очень многому поможет. Благодать просвещает человека, когда он смиряется. А смиряется человек через послушание.

Через просвещение же человек узнаёт, как жить, как себя вести, как с ближними общаться и т. д. Думаю, что не надо себя уничивать по сравнению с монахами, будто они – «супер», точно спасутся, а мы здесь нет. Отцы говорят, что не все в монастыре спасаются, не все в миру погибают. Надежда всегда должна быть. Мы не знаем, у кого и сколько добрых дел, только Господь зрит, насколько наши дела соответствуют Божьей воле.

У монаха есть молитва, у мирянина тоже должна быть молитва. Если у монаха она более продолжительная по времени, но мирянин через терпение, хоть и поменьше молитв будет совершать, не должен терять надежды. Последние афонские старцы – Ефрем Катунаский и Иосиф Ватопединский – говорят, что нужно молиться, сколько можешь, сколько тебе позволяют силы телесные. Спасаться можно, конечно, но унывать нельзя ни в коем случае.

Христиане призваны служить Богу, Церкви, людям. Как Вы видите служение монахов и монастыря? Какие могут быть служения? Вы сказали о молитве – это, конечно, главное служение монахов. Какие есть другие формы их служения?

Монашеские сообщества создавались для непрестанной молитвы. По моему пониманию, первое, что должен нести монастырь как организация, как институт, – это духовное просвещение людям. К этому относятся богослужение, совет духовников при монастырях, исповедование (у нас, например, много людей приходит на исповеди). Сейчас есть возможность издавать и переиздавать разные книги.

При лучших финансовых возможностях монастыря, если он побогаче, то можно заниматься и филантропией. Но нельзя делать так, чтобы только ею заниматься в ущерб молитве. Первое служение в приоритете – должны быть монахи-молитвенники, духовники, которые помогают своим советом, опытом. Возвращаясь к тому, с чего начали разговор, – в миру труднее даётся познание христианского пути, как правильно идти по нему, как исполнять волю Божью. А монахи, кто живет в монастырях, исходя из своего опыта, будучи каждый день в послушании, имеют правильное видение этого, являются маяками, показывают, в какую сторону идти. Посмотрите историю: в трудные моменты у монашествующих, у старцев был верный ответ – куда идти, как правильно поступать. Во времена смуты они рассеивали её.

Если есть возможность, монастырь может служить миру

и другими способами, но это не должно быть правилом. Нельзя, например, начиная создавать монастырь, руководствоваться благотворительными целями как главным мотивом. Зачастую получается так, что в ущерб духовной жизни начинаем заниматься благотворительностью, строить помещения для этого, а самое насущное – молитва – остаётся без внимания. Отцы всегда говорили: молитесь, имейте чаяние о молитве, старание. Благотворительностью можно заниматься всем, и не обязательно монашествующим. Конечно, монастырь тоже может ею заниматься, но это не должно быть правилом.

Как монастырь может делиться с миром самым ценным, что у него есть? Для всех важен опыт богопознания. Не помню, кто из богословов сказал об этом такой формулой: богообщение даёт богопознание, богопознание даёт дар ведения. Богообщение – это молитва. Полагаю, что именно опыт молитвы может помочь людям, которые живут в миру. Через общение с Богом мы пребываем в умеренном духовном спокойствии. Монастыри всегда были таким лиманом, куда люди приходили, обретали новые духовные силы, которые нужны даже для несения житейских забот. Ведь если у человека подавлен дух, если внутреннее не складывается, то у него и житейские дела могут пойти наперекосяк. Человек приходит в монастырь со своей тяжестью, и монашествующий ему помогает, может дать духовный совет. Из своего опыта скажу, что приходят люди, хорошо материально обеспеченные, но у них нет мира внутри, они его не знают. Как монах, помогаешь

им прояснить причины разлада.

И таким образом монашеский опыт богообщения, молитвы может служить в помощь людям в миру. Конечно, довольно дерзко говорить о своем опыте, он очень мал, говорю об этом с внутренним трепетом. Если монашествующие будут делиться с людьми своими дарами, то они не оскудеют, Бог восполнит.

Но зачастую в миру, как вижу, акцент ставится на внешнем, на исполнении церковных обрядов. Христианство же не имеет цели только обряды исполнять, оно не есть религия формы, это другое. Христианство означает жизнь в постоянном общении с живым Богом. Это проявляется и в причастии Христовых Тайн, когда мы пребываем в общении с живым, невидимым для нас Богом. А люди понимают по-другому. У нас в Молдове, например, считают достаточным один раз в году прийти на Пасху и причаститься. Сотни раз объясняешь приходящим в монастырь, что неверно так понимать. Причастие есть встреча тебя, твоей души, твоего ума, всего твоего существа с живым Богом. Людям зачастую очень трудно эти вещи понимать.

В последнее время вижу ещё одну проблему, когда прихожане или наши духовные чада часто пренебрегают молитвой, малым временем уединения. Поэтому они, конечно, приходят с морем проблем: уныние, гневливость, многое не получается. Компьютер, телевизор, мобильный телефон, смартфон – на первом месте. Они хороши как средство и должны служить тебе, а не ты им.

Стараемся объяснять эти и другие важные смыслы в проповедях и личных беседах. Ещё

В монастыре вмч. Иакова
Персиянина

отец настоятель благословил по воскресеньям после соборования проводить духовные беседы. Мы выбираем какую-то важную тему о вере, где чувствуем, что люди не понимают сути. Вижу, что они хотя бы начинают прислушиваться.

Не думали ли Вы о проведении систематической катехизации, последовательных встреч?

Пока у нас этого нет. На уровне школы, для детей есть занятия. Их проводит о. Иаков. Есть встречи для старшеклассников на разные темы, например, о подростковых проблемах. Для остальных приходящих людей систематизированного цикла встреч пока нет. Надеемся, что предпримем что-то. Мы думали об этом. Я понимаю, что без катехизации сложно, люди самостоятельно не будут искать и вряд ли смогут, им нужно объяснение непонятных вещей, толкование.

Продолжение в следующем номере

Просвещение – это весть о Свете

Доклад Маргариты Васильевны Шилкиной, декана факультета религиоведения СФИ,
на дискуссионной площадке «Начала просвещения русского...»
(фестиваль «Преображенские встречи», 2018 г.)

Фото: Денис Фролов

Первый день работы дискуссионной площадки был посвящён внесистемному образованию

Проблема внесистемного образования, о которой мы сегодня хотим говорить, встаёт как проблема именно тогда, когда образование, предлагаемое системой (в нашем случае государственной), перестаёт устраивать и общество, и учащегося. И тогда внесистемное образование становится фактически альтернативным образованием. В нормальном случае оно должно являться дополнительным образованием, т. е. просвещением, или дополнительным профессиональным образованием, дополняющим системное образование и просвещение.

Сегодня сверхцентрализация в управлении образованием, субъективизм и возвращающаяся

идеологизация гуманитарного образования, отсутствие финансирования, но что, может быть, ещё важнее – технократизм и утилитаризм в образовании и просвещении, сведение их до функции подготовки кадров, востребованных на рынке труда, приводят с одной стороны, к тому, что значительная часть молодёжи уезжает учиться за рубеж, но с другой, – к тому, что рождаются и развиваются более органичные, более свободные формы внесистемного образования и просвещения. И практика показывает, что спрос на них есть во всех слоях общества и у всех возрастов.

Востребованность внесистемного образования связана с такими его качествами как:

а) свобода слушателя и педагога в их выборе друг друга, в содержании и форме любых просветительских встреч;

б) личностный характер, сохранение пространства общения учителя и ученика при широком использовании современных онлайн-технологий;

в) творческий характер и активность не только учителя, но и ученика в процессе узнавания нового;

г) стремление к обретению духа и смысла самого процесса просвещения, образования, осознание и принятие цели каждой просветительской лекции, беседы, экскурсии и т. д., направленной на изменение участника этой встречи, его жизни и жизни

М. В. Шилкина

вокруг него, в пределе, – во всём обществе.

Таким образом, задача стоит не просто в развитии всё большего числа форм внесистемного образования, а в его качестве, целях и основаниях.

После Русской катастрофы XX века просвещение и образование также нуждаются в возрождении, в обращении к своим национальным корням и традициям, как и все остальные области жизни человека и общества. Поэтому в нескольких словах вспомним даже не саму историю просвещения в России, а те идеи и концепции, которые лежали в её основании.

Корни просветительства в России уходят в глубь веков. В XII веке идёт активное развитие и становление монастырей. И сразу же, наряду с духовным окормлением и молитвой, в них на одно из первых мест выходят образование и просветительство. Это очень наглядно просматривается в таких ныне всемирно известных обителях, как Кирилло-Белозерский, Ферапонтов, Соловецкий, Валаамский, Оптино-Пустынский, Кижский и многие другие монастыри. В более чем 80 тысячах храмов и 1248 монастырях к 1917 году насчитывалось до 40 тысяч библиотек, где хранились миллионы богослужебных книг, бесценные рукописи, архи-вы, светская литература.

Эпоха просвещения в России занимает преимущественно вторую половину XVIII века,

когда правительство активно способствовало развитию наук и искусств. В этот период возникли первые российские университеты, светские библиотеки, театр, публичные музеи и относительно независимая пресса. Как и в остальной Европе, на русское просвещение сильное влияние оказало просвещение Франции. Наиболее сильным это влияние было в период правления Екатерины II, которую обычно называют образцом просвещённого деспота. Как известно, она основала один из крупнейших музеев мира – Эрмитаж, Вольное экономическое общество и Российскую национальную библиотеку в Санкт-Петербурге, три учреждения, важнейших для последующего распространения образования и просвещения в России.

Тем не менее, энтузиазм Екатерины по поводу французской Энциклопедии и идей её создателей никак не повлиял на режим её собственной абсолютной власти, а когда после американской и французской революций оказалось, что просвещение оказывает сильное влияние на политическую жизнь, Николай Новиков за вольнодумство был заключён в тюрьму, Радищев – сослан на каторгу, а его работы, как и работы Вольтера, были сожжены и запрещены. Конституция Речи Посполитой от 3 мая 1791 года была расценена Екатериной как якобинская и опасная по своему

влиянию на Россию и её собственному влиянию в Польше. В итоге в 1792 году разразилась русско-польская война, за которой последовали разделы Польши. Этот поворот от политики просвещения получил название контрпросвещения. Такая тесная связь между просвещением и политическим режимом будет прослеживаться и дальше в истории вплоть до сегодняшнего дня.

Просвещение в России практически всегда находилось в центре самых острых идейных споров и дискуссий между правительством и интеллигенцией, церковью и светской культурой, западниками и славянофилами. самого внимательного изучения заслуживают взгляды относительно просвещения Алексея Степановича Хомякова, лидера славянофилов, энциклопедически образованного и глубоко церковного человека, которого Ю.Ф. Самарин вполне заслуженно назвал учителем Церкви. Просвещением, в широком смысле этого слова, Хомяков называл нравственное и интеллектуальное развитие общества: «Просвещение не есть только свод и собрание положительных знаний: оно глубже и шире такого тесного определения. Истинное просвещение есть разумное просвещение всего духовного состава в человеке и в народе. Оно может соединяться с наукою, ибо наука есть одно из его явлений, но оно сильно и без наукообразного знания; наука

А во второй день на «студенческой пирушке» встречались кружки выпускников

же (одностороннее его развитие) бессильна и ничтожна без него».

По мысли Хомякова, единственным фундаментом, на котором должна строиться духовно-нравственная и умственная (интеллектуальная) сфера личности, фундаментом настоящего просвещения, должна быть вера, а именно истинная вера, которой является Православие. С точки зрения Хомякова, только Православие позволяет человеку и человеческому обществу гармонично развиваться и не впадать в крайности.

Понять просветительские взгляды Хомякова невозможно без описания его сравнения двух систем просвещения, двух культур – западной и русской, точнее – западной и восточной, католической и православной. На этом сравнении, а также на размышлениях Хомякова относительно четырёх базисных для него слов-принципов – «любовь», «свобода», «единство», «органичность» – строится почти всё здание его учения о просвещении.

Хомяков подчёркивает приоритет духовного просвещения над интеллектуальным. Он говорит, что «разумное просветление духа есть тот живой корень, из которого развиваются и наукообразное знание, и так называемая цивили-

зация или образованность».

Эти слова хорошо соотносятся с мыслью преподобного Антония Великого о том, что умный человек – не тот, кто много знает, а тот, кто может различать добро и зло, то есть тот, кто духовен.

Важнейшей проблемой просвещения Хомяков считал соблюдение баланса между духовностью и интеллектуальностью, недопущения одностороннего развития обоих направлений, при сохранении безусловного приоритета духовности. Он выражал искреннюю надежду на то, что в будущем именно России удастся создать тот синтез между православной духовностью и рождённой на её почве интеллектуальностью, который откроет принципиально новую страницу в истории человеческого общества.

Хомяков считал, что разрыв между духовной и интеллектуальной жизнью, который он видел в России, очень губителен, «из-за этого в духовной жизни произошли бессознательность и неподвижность, в науке бессилие и безжизненность».

Об этом же через несколько десятилетий остро и горько писал Сергей Николаевич Булгаков в своей статье «Церковь и культура», подчеркивая, что увеличивающийся разрыв между церковью

и культурой привёл к тому, что первая потеряла свои плоды, а вторая оторвалась от корней и засохла.

Примером эффективного и вдохновляющего решения этой задачи стали школы Николая Николаевича Неплюева, положившие в основание всего образовательного процесса воспитание на евангельских началах, соединившие духовное просвещение, образование, введение детей в высокую культуру и высокоэффективный сельскохозяйственный труд. А плодами этого внесистемного во всех смыслах образования и воспитания стали изменение жизни учителей и учеников и рождение православного трудового братства.

Дореволюционные традиции внесистемного образования и просвещения развивали многие представители дворянства, церкви, интеллигенции. И все они старались прежде всего выйти из-под жёсткого контроля государства.

Быть может, именно сейчас возрождение подлинного просвещения станет возможным, если мы вспомним, что в основе его – весть о Свете, а в основе образования – пробуждение в человеке образа Божьего, рождение личности, обретение своего подлинного призвания. **КФ**

Матушка Афиногора

Никита Владимирович Благово

Я хочу рассказать о моей тёте, Вере Яковлевне Коренёвой. Она родилась 25 августа 1897 г. в Санкт-Петербурге, в семье служащего фирмы «Товарищество братьев Нобель», дворянина Якова Викторовича Коренёва (1859–1905, Псков), владевшего небольшим имением в пос. Оксочи, Крестецкого уезда Новгородской губернии¹, и его жены Евгении Николаевны Васильевой (1871, Санкт-Петербург–1940, Новгород), дочери потомственного гражданина, инженера-технолога Николая Петровича Васильева (1838, Кронштадт–1895, Крестцы).

В 1915 году она окончила Константиновскую женскую гимназию и поступила на физико-математическое отделение Женского Педагогического института, учёбу в котором завершила в 1920 г. Серьёзная и вдумчивая с юности, она никогда не стремилась к светским развлечениям, проявляя с раннего возраста склонность к духовной жизни. В 1920-е годы училась рисованию в художественной мастерской Белова и 4 года обучалась иконописи у Лидии Александровны Дурново². Доски для икон изготавливал Михаил Николаевич Художил³, хорошо владевший столярным мастерством.

В 1919 г. начала работать в своём институте в должности помощника библиотекаря, с 1925 г. работала библиотекарем. Вела инвентаризацию книг, журналов, ведала их расстановкой в алфавитном каталоге, переработала каталог книг по математике, составила новый алфавитный каталог русских журналов. С 1 марта 1930 г. продолжила службу в Публичной библиотеке последовательно в качестве помощника библиотекаря Естественного отдела, библиотекаря 2 разряда, затем – 1 разряда. В 1934 г. по совместительству работала в Театральной библиотеке. Уволена 22 февраля 1935 г. «в порядке освежения аппарата»⁴. Проживала по адресу: Ленинград, ул. Калинина, д. 36, кв. 3.

Арестована 15 января 1935 г. При обыске отобраны: песочек, кусочек материи и крестик, привезённые в 1926 г. из Саровской пустыни, 228 книг, 543 листа переписки, 32 тетради, 14 вырезок, 7 фотографий, воспоминания, сувениры. «Коренёва В.Я. изобличается в том, что является активной участницей контрреволюционной церковно-монархической группировки тайнослуженцев и систематически ведёт антисоветскую агитацию»⁵. Обвинена по ст. 58, пп. 10, 11 УК РСФСР.

¹ Имение продали после зверского убийства в Пскове Я.В. Коренёва в 1905 г.

² Дурново Л.А. (1885–1963), до ареста в 1933 г. – преподаватель Института истории искусств в Ленинграде, помощник хранителя отдела древнерусского искусства в Русском музее, автор уникальной методики копирования фресок, искусствовед, историк искусства.

³ Художил М.Н. (1871–1942), полковник, бывший преподаватель Александровского кадетского корпуса, муж Веры Николаевны Художил, урождённой Васильевой (1870–1945), старшей сестры матери м. Афиногоры.

⁴ Архив РНБ. Ф. 10/1. ЦГАЛИ СПб Ф. 97. Оп. 1. Д. 681.

⁵ АУФСБ по СПб и ЛО. Д. П-85218. Л. 48.

На допросе в ответ на вопрос о политических убеждениях она сказала:

«Я являюсь глубоко преданной последовательницей Иосифлянской истинно-православной церкви и только ей буду предана. Проводимая политика Советской власти в отношении церкви является политикой насилия, которая помимо воли православных христиан нарушает церковь и веру в Бога. Этим самым советская власть заставляет религиозных людей ещё более углубиться в православную веру. <...> До 1930 г. была близко связана со священником церкви Св. Николая Викториним Михайловичем Добронравовым⁶, который был арестован»⁷.

«Нерон и Сталин – это аналогичные фигуры разных эпох; наше возмущение одинаково на этих правителей, как жестоких диктаторов, топящих в крови те или иные свободные человеческие проявления»⁸. «Я написала более 10 икон (Божья мать, Спаситель, Св. Николай, Св. Никита, архангел Михаил, Преображение и др.). Иконы отдавала В. Добронравову»⁹. Следствие окончено 18 февраля 1935 г. Решением Особого совещания от 13 марта 1935 г. осуждена к 3 годам ИТЛ. Отбывала срок в Карлаге. Реабилитирована 5 апреля 1991 г.

После освобождения, 5 июля 1937 г., вследствие запрета проживания в крупных городах, недолго пробыв у матери в Новгороде, она поселилась в г. Шуя, нахождение в котором оказалось неприятным, т. к. там её часто дразнили «монашкой» (хотя монашеской одежды она не носила) и даже бросали в неё камни. Там она познакомилась с послушницей Серафимо-Дивеевского монастыря Анной Шутовой, по совету и при содействии которой переехала в Муром, где 25 июня 1949 года была пострижена под именем Анастасии игуменьей Серафимо-Дивеевского монастыря

Схиигуменья Афиногора (Коренёва)

в изгнании Марией, а впоследствии приняла схиму под именем Афиногора. После нескольких лет проживания на съёмных квартирах ей с сестрой, монахиней Викториной¹⁰ и будущей схимонахиней Рафаилой¹¹, келейницей схимонахини Анатолии (Якубович), в 1949 г. удалось устроиться в небольшом бревенчатом домике № 3 на ул. Экземплярского. По преданию этот дом находился на том месте, где когда-то жила Св. Благоверная княгиня Февронья Муромская, а у стены был зарыт ящик с дивеевскими книгами и рукописями, которые м. Анатолия завещала вернуть в монастырь, когда он возродится. В 1981 г., после смерти м. Рафаилы и сестры, м. Афиногора переехала в дер. Пятница Владимирской обл. под призрение замечательнейшего священнослужителя, её духовника, протоиерея Анатолия Александровича Яковина (1946–2001) и келейницы монахини Анатолии (Татьяны Михайловны Лещенко), где скончалась 10 ноября 1993 г. Похоронена там же, у церкви Св. Параскевы Пятницы¹². **КФ**

⁶ Добронравов Викторин Михайлович (29.01.1889 – 28.12.1937), протоиерей, священномученик.

⁷ АУФСБ по СПб и ЛО. Д. П-85218. Л.54.

⁸ Там же. Л. 60.

⁹ Там же. Л. 62.

¹⁰ Монахиня Викторина, в миру Ксения Яковлевна Коренёва

(1896–1981), старшая сестра В.Я. Коренёвой, филолог.

¹¹ Схимонахиня Рафаила, в миру Матрёна Фёдоровна Маркина (3.11.1886, д. Ардатовка Нижегородской губ. – 29.01.1978, Муром).

¹² Хондзинский Павел, прот. Незримая обитель. М., 2017. С. 175, 177, 184–229.

Другие КНИГИ

больше, чем чтение

www.drugieknigi.com

По любым вопросам
вы можете звонить на номер
+7 922 600 1681

ДРУГИЕ КНИГИ – это проект о книгах и обо всём, что с ними связано: о чтении, отзывах, рецензиях, общении.

Мы предлагаем Вам замечательные книги небольших издательств, которые трудно найти на видных местах в книжных супермаркетах.

Наши книги о христианстве, истории религии, философии, психологии, культуре или просто хорошие детские сказки рассчитаны на неспешное и вдумчивое чтение. На тёплый разговор о прочитанном с другом за чашкой чая. Они придут на помощь, когда хочешь подарить что-то важное и значительное. Или напротив – нежное и изящное.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Сбор средств на ремонт часовни
в здании Свято-Филаретовского института

<http://c.sfi.ru>

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

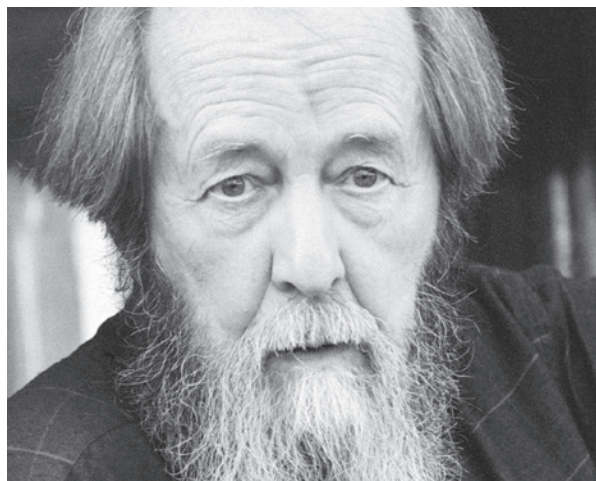
ТЕМА

100 ЛЕТ НАЗАД РОДИЛСЯ АЛЕКСАНДР ИСАЕВИЧ СОЛЖЕНИЦЫН

За эти четыре года поездив, поездив по России, поглядев, послушав, — заявлю хоть под клятвой: нет, наш Дух — ещё жив! и — в стержне своём — ещё чист! Там, там, на встречах, — не я сказал, мне говорили, меня убеждали: «Только бы спасти душу народа! — и спасётся всё!» Да. Дух — способен изменить направление любого, наигибельного процесса. Откатить и от самого края бездны.

Кому — не поверится. Но кто за жизнь свою уже убеждался в правоте и могуществе Высшей Силы над нами — тот поверит, что и после прокатанного по нам столетия — есть у русских надежда. Не отнята.

А.И. Солженицын. «Россия в обвале». (1998)

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКОМУ ИНСТИТУТУ — 30 ЛЕТ

В основу концепции института был изначально положен принцип свидетельства о полноте духовной церковной жизни и стремление ввести студентов в традицию всесторонне, целостно и последовательно. Строился он, по словам ректора СФИ священника Георгия Кочеткова, «исключительно на голом энтузиазме и в домашних условиях». Сегодня СФИ — это несколько факультетов, сотни студентов, десятки выпускников ежегодно.